

Гарольд Лэмб
Карл Великий. Основатель
империи Каролингов

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=607185

Карл Великий. Основатель империи Каролингов: Центрполиграф; М.; 2010

ISBN 978-5-9524-4784-4

Аннотация

В книге повествуется о начале нового периода мировой истории, ознаменованного победоносным шествием короля франков, ласково прозванного Шарлеманем. Впоследствии победитель лангобардов и саксов, покоритель сарацин, тот, кому верно служили Роланд Бретонский и Гильом Тулузский – легендарные рыцари франков, – стал императором всех христиан Карлом Великим.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	30
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Гарольд Лэмб

Карл Великий. Основатель империи Каролингов

*Из старых сказаний мы узнаем о подвигах героев...
Здесь вы прочтете о борьбе отважных людей.
Песнь о Нибелунгах*

Предисловие

Его звали Карл. В течение многих поколений после его смерти люди помнили его как Карла Великого и прозвали его Шарлеманем.

Это имя, помимо своей необычности, начинало символизировать нечто особенное. Шарлемань, в отличие от большинства других королей, похоже, принадлежал не одной нации, а всем нациям Западной христианской Европы, поскольку к концу своей жизни ему удалось объединить эти народы в одно сообщество христиан. Сделав это, он вселил в них надежду.

В его время цивилизация и среда человеческого обитания вырождались. С уходом римских легионов упорядоченная жизнь – тот механизм, что поддерживает нас сегодня, – медленно уходила из варварских народов (наших предков) Атлантического побережья. Некоторые из них, например визиготы и лангобарды, переселились в распадающуюся Римскую империю, сохранив при этом воспоминания и кое-что из предметов роскоши исчезающей цивилизации. Но франки, народ Шарлеманя, слишком поздно появились на сцене.

Они очутились в лесной глуши, где правила грубая сила. Область, в которой они обосновались, располагалась между реками Луарой и Рейном. Их все пугало – видения ведьминого шабаша, ночные скачки дьявола по лесам. Некоторую надежду в них вселяли предсказания миссионеров, вроде ирландца Колумбана¹, обещавших спасение их душ и возможное второе пришествие на землю Иисуса Христа.

Франки были людьми, наделенными достаточной физической силой, вели свое происхождение от германских племен, имели богатые боевые традиции – знали сагу о герое Беовульфе², оторвавшем руку у чудовища Гренделя, которого нельзя было поразить никаким оружием. Но при всем том они были привязаны к земле и зажаты в своем уголке Европы еще более дикими и необузданными племенами славян и восточных кочевников. Кроме того, они были отрезаны от моря, где властвовал мощный флот города Константинополя, сохранившего греко-римскую культуру. За морем набирал силу враждебный им ислам, религия арабов. Во мраке VII века казалось, что мир франков гибнет, и многие полагали, что конец наступит в 1000 году от Рождества Христова.

Гораздо большую опасность, чем физическая смерть, представляли медленное угасание разума, отсутствие письменности, разрушение универсального латинского языка, переход на различные местные диалекты и потеря идеалов. Местные уроженцы, выжившие в Римской Галлии, утратили свои древние навыки, а франки, их хозяева, понятия не имели о цивилизованном государстве, где император правил людьми по закону. Они были верны

¹ Колумбан (ок. 540–615) – ирландский монах, проповедник христианства в Западной Европе. (Здесь и далее примеч. пер.)

² Беовульф – мифологический герой англосаксонского эпоса.

избранным племенным вождям; одному из них, Дагоберту, удалось объединить раздробленную нацию; Карл Молот, вождь, воитель, после битвы при Пуатье оттеснил мусульманских захватчиков из Галлии на юг и собрал средства, конфисковав церковное имущество; его сын, Пипин Короткий³, пытался окончательно закрыть арабам доступ в Южную Галлию, одновременно сплачивая своих франков в нацию, способную править другими.

Но только Карл, внук Молота и сын Пипина Короткого, получил прозвище Великого, его владычество стало владычеством империи Каролингов, а попросту империи Карла, отличавшейся от других империй.

Потом на Западе произошло нечто совершенно уникальное. Память об этой исчезнувшей империи сохранилась на века; она стала силой, создавшей новый мир на Западе. Карл сам стал легендой, легендой Шарлеманя, разросшейся и распространившейся по всем христианским землям. Это была не просто память о воображаемом золотом веке или необычайном монархе. Это было нечто, принадлежащее всему человечеству. В течение короткого периода времени этот правитель вел людей к невообразимым достижениям, которые были затем для них утеряны. Память о нем, если можно так выразиться, покинула стены дворцов и церквей, поселилась в простых жилищах и стала путешествовать по дорогам. Карла воспевали в песнях и балладах. И в течение последующих четырех столетий эта память влияла на события в мире.

³ Пипин Короткий – король франков, прозванный Коротким за малый рост.

Глава 1

СТРАНА ЛЕСОВ

Помолившись апостолу, святому Фоме, он впервые в жизни в 753 году н. э. отправился в самостоятельное путешествие. Снег и грязь покрывали тропы.

До сих пор ему не приходилось командовать вооруженным отрядом, равно как и владеть лесами или полями под своим именем. Ему было 11 лет. Высокий рост, широкие плечи и кисти выдавали в нем недюжинную силу. Темные волосы у него были коротко пострижены, он обладал пронзительным голосом.

Обычно его называли сыном Пипина Короткого. Те, кто по каким-либо причинам ненавидел его, звали мальчика Кёрлом⁴. Это прозвище подходило ему, хотя настоящее его имя было Карл.

Он сразу же заявил, что, невзирая на снег и непогоду, собирается как можно быстрее завершить рискованное путешествие и встретить странников, спустившихся с Альп в страну франков. Набросив овчину поверх кожаной туники, он покинул двор своего отца в Тионвилле. Подросток забыл взять подарки для незнакомых путников, но позаботился о лошадях для своего отряда. Его сопровождали Керольд, воин в полном вооружении, и компания лесничих – с ними он только позавчера охотился на оленей. Не имея под своим началом ни подданных, ни знати, упрямый юноша ничем не отличался от своих друзей-охотников, с которыми болтал, выпивал и купался, когда пригревало солнце.

Когда он вместе со своим отрядом отправился в путь по размытой грязной тропе и исчез в снежной мгле, кое-кто из провожающих рассмеялся и весело заметил, что Кёрл отправился встречать святого отца, посланца самого папы из собора Святого Петра, так, словно собрался поохотиться на оленя. Сам Пипин ни единым словом не выразил ни упрека, ни похвалы своему сыну. У сурового Пипина вошло в привычку держать своего первенца при себе и наблюдать за ним, а не поучать сына или давать ему советы. Никто толком не мог сказать, хорошо это было или плохо для подростка.

В результате бешеной скачки, периодически меняя седла на усталых, проваливающихся по колени в грязь лошадях, принц Карл со своими товарищами очень быстро одолел расстояние в 30 лиг⁵ и очутился у постоялого двора. Он был рад путешествовать в одиночку, без сопровождения аббата Фулрада или главного конюшего, которые наверняка досаждали бы ему своими советами и заботой. Это была первая важная миссия, доверенная ему отцом.

Во время своего путешествия они весело пели. Пар от заморенных лошадей превращался в туман. Шестеро его спутников радовались, глядя на веселого юношу.

Он говорил, что Арнульфингам, как правило, сопутствовала удача. Это повелось с того случая, когда Ар-нульф, родоначальник династии, поставил на кон свою судьбу. Он бросил свое кольцо с печаткой в реку Сену и сказал: если оно вернется к нему обратно, это будет означать, что ему на роду написано править своим народом. Что ж, кольцо исчезло в волнах реки. Прошли годы, и в один знаменательный день Арнульф на обед подали рыбу. Когда ее разделали, из брюха выпало кольцо. Не иначе как сам Бог приложил к этому руку.

– На пути встретила река, и не было брода, – рассказывал воин Керольд. – И тьма опустилась на землю. Когда Карл очутился на берегу реки, его опередил белый олень. Он прыгнул в воду, и его рога отсвечивали на солнце золотом. Карл последовал за ним, и в реке

⁴ Кёрл, Churl (англ.) – мужлан, деревенщина.

⁵ Лига – английская мера длины, равная 4,83 км.

действительно показался брод. Те, кто последовали примеру Карла, едва ли замочили свои ступни.

Множество историй, рассказанных о Карле, связаны с реками и охотой. Ему нравилось слушать, как его друзья повествуют о его удаче, поскольку сам Карл не обладал ни опытом, ни мудростью.

Итак, когда, преодолев расстояние в 30 лиг, отряд подъехал к постоялому двору, юноша решил, что удача действительно сопутствовала ему. У стогов сена и в самой конюшне сгрудилось много лошадей, поэтому создавалось впечатление, что на постоялый двор прибыли преподобные посланцы из Рима.

Однако у дверей постоялого двора их встретил сеньор Окер – военачальник, неоднократно бывавший в Риме по приказу своего короля Пипина.

– Далеко ли твой отец? – спросил он, узнав в юнце долговязого Карла. Ловкий, резкий на язык придворный, он не счел нужным наградить Пипина каким-либо титулом.

– Отца со мной нет. Он послал меня встретить Стефана, святого отца из Рима. Где он?

Окер нахмурился. Внимательно посмотрев на юношу, он объяснил, что папа Стефан и сопровождающие его лица из собора Святого Петра преодолели немалые трудности, пересекая горный перевал, и в настоящее время не спеша путешествуют, покинув обитель Святого Морица. Один из них умер в этом монастыре.

Окер, оккупировавший со своими людьми постоялый двор, не собирался уступать жилище Карлу и его спутникам. Подростку же он высказал коротко и ясно, что не подобает королю франков посылать своего юного сына встречать папского посланца во главе отряда лесных людей без всяких подарков.

На это юноша отреагировал резко и гневно, заявив, что не собирается квартировать на постоялом дворе, где Окер расположился с таким комфортом. Ему предстоит встретить посланцев папы, и он не собирался отказываться от своей миссии.

Окер вернулся к очагу и проворчал:

– Кёрл.

Снег затуманил небо и морозил пальцы вооруженному отряду. Усталые лошади брели, спотыкаясь, с сожалением покидая теплые конюшни и стога сена. Кэрольд и лесные жители молчали, поскольку были преданы Карлу душой и телом.

На землю спустились сумерки, отряд окутала лесная мгла, и люди спешили, чтобы отдохнуть. Карл не мог подыскать места для ночлега, но он никогда в жизни не остался бы ночевать вместе с Окером. Ему не позволяла сделать это его гордость.

Неожиданно юноша рассмеялся и заметил:

– Пора бы, дорогие друзья, появиться тому белому оленю и снова указать нам путь.

После этих слов его спутники с большей охотой двинулись в путь, ободренные веселой речью Карла. Это было похоже на путешествие во тьме египетской, как вдруг один из всадников заметил впереди огонь, и все решили, что это горит очаг в усадьбе.

Но впереди у них на пути виднелись еще огни. Оказалось, что это факелы движущегося отряда. Карл и его спутники осадил лошадей, потому что их было недостаточно, чтобы противостоять такому большому количеству людей – это могли быть мародеры.

И тут Кэрольд выругался:

– Олень или не олень, но разрази меня гром, если это не преподобный посланец святого Петра!

Так оно и вышло. Эскорт папы, застигнутый врасплох темнотой, осторожно пробиравшись по дороге в поисках пути к какому-нибудь убежищу. Взмолванный Карл забыл про собственную усталость. То, что они встретились в темноте с папой, – редчайшая удача!

Когда встречные путники узнали, что он обещает им радушный прием и гостеприимство франков, они подвели Карла к закутанной фигуре на белой лошади. Карл услышал усталый голос, спросивший его, где находится сам король.

Слезая с коня и запинаясь от волнения, Карл попытался объяснить, что король Пипин ожидает святого посланца Рима в теплом просторном зале в Тионвилле. Не зная, что еще сказать, он с беспокойством ждал ответа. Чей-то посторонний голос повторил его сбивчивое объяснение на четкой книжной латыни.

Очевидно, закутанные римляне почувствовали неладное оттого, что Пипин лично не явился встретить их. Напрягаясь, чтобы понять незнакомую речь, Карл осознал, что это было резкое приглашение ему и его спутникам подъехать и поприветствовать этого Стефана. Голос самого Стефана еле слышался: святого отца сильно утомили ветра и холод горных перевалов.

Тут Карл вспомнил, что не привез с собой никакого подарка. Краска стыда залила его лицо.

– Святой отец, – пронзительно воскликнул он, – я бы привез вам в подарок прекрасные ткани и дорогие изделия из золота, но у меня ничего нет, кроме охотничьего оружия и нескольких книг!

Белое усталое лицо в меховом капюшоне нагнулось поближе к Карлу, чтобы повнимательней рассмотреть подростка.

– Храбрый мальчик, – произнес путник, – зачем говорить о подарках? Достаточно того, что ты, Карл, глубокой ночью проехал сквозь лесную чащу, чтобы встретить нас и предоставить нам кров.

Карла успокоило то, что великий посланец Рима ясно и четко произнес его имя так, что оно не прозвучало как приглушенное Кёрл, а, наоборот, как звон колокола – Carolus.

Он никогда не забудет этого благословения, и, проезжая мимо воинов с копьями, Карл не переставал думать об этом, и стыд оставил его. И затем он начал смеяться, еле сдерживаясь, чтобы не расхохотаться во весь голос. От его отряда отделился Керольд и, подъехав к Карлу, прошептал:

– Что на тебя нашло?

– Мне пришло в голову, – выдохнул Карл, – как мы выгоним благородного Окера из его уютного гнездышка в ночь на холод, чтобы освободить места для отдыха всем этим епископам, пресвитерам и писцам.

Его смех громко звенел над тихой заснеженной дорогой.

Эта первая миссия Карла закончилась после Рождества, обозначившего начало 754 года. Когда он заметил наконец дым над мокрыми крышами Тионвилля, у дороги их ожидали архикапеллан Фулрад в своей мантии и коннетабль в доспехах в полном вооружении.

Потом Карл увидел разрушенную арку старых римских ворот и стоявшего рядом отца в новой небесно-голубой мантии, опоясанного мечом с золотой крестообразной рукоятью. К удивлению Карла, Пипин слез с седла, подошел по грязи к лошади папы, взял ее под уздцы и провел сквозь ворота. Он проделал это как простой грум.

– За все, что делает этот Пипин, – пробормотал Окер, – кое-кто заплатит.

Карл щелкнул пальцами в знак пренебрежения к этим уничижительным словам.

Однако, когда все они прошли через толпу феодалов, как светских, так и церковных, в теплый просторный зал и зашли в часовню, чтобы возблагодарить Господа за благополучное окончание долгого зимнего путешествия Стефана, случилась странная вещь.

Усталый путник, сам папа римский, преклонил колени на ступенях алтаря перед Пипином.

– Король Франкского государства, – воскликнул старик, – во мне ты видишь просителя! Я не приму твоей руки, чтобы подняться, до тех пор, пока ты не поклянешься оказать мне помощь против моих врагов.

Возможно, он слишком устал, возможно, это был просто пожилой и расстроенный человек, но из его глаз по впалым щекам катились слезы. Карлу хотелось посмотреть, как его отец будет поднимать Стефана.

Пипин, однако, стоял неподвижно, выпятив квадратный подбородок. В его теле ощущалась сила, а в мыслях – осторожность. Какое-то мгновение плачущий церковник и задумчивый воин смотрелись как две мозаичные фигуры рядом с алтарем. Эта картина навечно запечатлелась в памяти Карла.

Затем, не произнося ни слова, Пипин протянул руки и поднял старого Стефана с колен.

Исполнив возложенную на него миссию, Карл вернулся к обычной жизни во дворце, где у него пока не было других обязанностей, кроме как проводить дни в качестве внебрачного сына Пипина.

Пипин Короткий не был рожден правителем. Как и все его предшественники из клана Арнульфингов, угрюмый молчаливый дворянин был управляющим или, как их тогда называли, мажордомом королевства. Он был первым среди пэров Франкского государства, которые до сих пор хранили верность истинному королю, последнему в династии Меровингов⁶.

Действительно, Пипин твердой рукой управлял государством, в то время как последний Меровинг ежегодно просто приезжал на сейм в традиционной повозке, влекомой парой флегматичных волов, которыми правил длинноволосый крестьянин. На сейме толстый рыжий трутень Меровинг стоял лицом к лицу с собравшимися и давал свое согласие на то, что они уже сделали или собирались сделать.

За два года перед этим лорды государства франков могли бы собраться вместе и выбрать мажордомом другого человека вместо Пипина. Однако Пипин, главный среди них, имел за спиной мощную гвардию; каждый год он водил армию франков в военные походы. Он твердо держал в руках эту силу, потому что знал, как ею управлять. Поэтому он отправил Фулрада послом в Рим, чтобы спросить у папы римского: «Почему бы ему, Пипину, который обладает всей властью в королевстве, не иметь также и соответствующий титул?» Папа согласился.

Вот почему последнего Меровинга, почти забытого Хильдерика III, отвезли не на ежегодный сейм, а в лесной монастырь. Его оторвали от комфортабельной усадьбы, вкусной еды и женщин, посадили в повозку и увезли, чтобы остричь его прекрасные рыжие волосы. Сейм провозгласил Пипина королем, отец Бонифаций возложил на его круглую темную голову корону из чеканного золота, и вот уже в течение двух лет Пипин правил как настоящий король.

Однако великие магнаты вроде Окера никогда не поддерживали его притязаний на трон. Они помнили, что он один из них. В силу необходимости, но очень неохотно они подчинились, поскольку Пипин, сын прославленного воителя Карла Мартелла (Молота), успешно правил людьми.

В эти нелегкие дни, когда казалось, что христианский мир погружается во мрак и дни его сочтены, франки вспоминали далекое золотое время, когда первые Меровинги привели их с побережья, когда золота было предостаточно, когда активно использовались торговые пути, проложенные еще во времена Римской империи.

Карла никто этому не учил. Он узнал об этом из обрывков историй, рассказанных в седле, или из перешептываний, доносившихся до одиннадцатилетнего подростка, часами простаивавшего за спиной отца. От заутрени и до обедни Пипин не отпускал его от себя,

⁶ Меровинги – династия франкских королей, предшествующих Каролингам.

заставляя выслушивать просьбы и жалобы людей, ждущих королевской милости. Это была суровая школа.

Его мать настаивала на изучении священных книг. Только в сонные, послеобеденные часы и до того времени, как отправиться спать, мог Карл обращаться к этим книгам под руководством дьяконов, обучавших мальчиков в дворцовой школе. Поскольку дьяконы имели склонность к мясу и вину, то наука чисел и изучение физических явлений сводились к вопросам и ответам.

– Если вы собрали тридцать каштанов и каждый день съедаете по пять штук, то на сколько дней недели хватит каштанов? До того дня, когда Бог отдыхал, то есть до воскресенья.

Что такое свет? Факел, который все показывает.

Все, что мальчикам требовалось знать, – ответы на эти вопросы. Занимаясь риторикой, они громко читали священные книги:

– «Плачьте о Сауле, который одевал вас в багряницу с украшениями и доставлял на одежды ваши золотые уборы».

Они читали о том, как погиб Саул и какая участь постигла город Содом.

Но эти ответы на вопросы и чудесные события, описанные в книгах, по мнению подростка, не имели ничего общего с суровой, давящей обстановкой на приемах отца.

Помимо занятий в школе, он тренировал умение обращаться с оружием. Оружие вручил ему его дядя Бернард. После того как Фулрад благословил оружие у алтаря, подросток, опустившись на колено, принял в свои руки железный щит, длинный меч с поясом и легкое копье из ясеня. Теперь летними вечерами старый фехтовальщик, служивший у коннетабля, обучал его обращаться с мечом, щитом и тяжелым кривым ножом, которым пользовались, чтобы парировать удар или нанести ответный. Будучи долговязым, подросток легко мог держать щит на отлете от лошади; он хорошо держался в седле, крепко сжимая ногами бока лошади; но он был слишком неловок, чтобы на полном скаку точно метнуть шестифутовое копье в мишень.

– Пусть выбежит медведь, – кричал он своему наставнику, – и ты увидишь, как я свалю его дротиком!

Его охотничье снаряжение, состоявшее из метательных дротиков и небольшого лука с длинными и короткими стрелами, было привычно его сильным рукам и придавало ему уверенности. Однако тяжелый стальной наконечник боевого копья трудно было бы всадить в нападающего медведя.

– Да, – проворчал закаленный в битвах ветеран, – но у медведя, ваша честь, нет щита.

Это рассердило Карла, знавшего, что он не уступит самым быстрым всадникам. Понаблюдав, как юноша практикуется со своим вооружением, Бернард, командовавший рекрутами из восточных франков, молча, как Пипин, покачал головой. Затем потер свой подбородок, сказал:

– Юный друг, у тебя есть сноровка, но нет умения.

– Если ваше превосходительство даст мне задание, я его выполню.

Серые глаза Бернарда выразили укор подростку за его темперамент.

– Это больше чем просто задание! Норманну не нужно задание, чтобы управлять судном. Возьмем гунна, он рожден для седла.

– А разве франк...

– Франк рожден для леса.

Когда Карл оставил позади последние поля с фруктовыми и ореховыми деревьями и въехал в лесной полумрак, он сразу стал осторожен и одновременно спокоен. Он мог идти по следу оленя через самую густую дубраву. Боковым зрением подросток примечал белок,

скачущих по деревьям, и быструю смену света и тени там, где украдкой пробирался барс. Охотничьи собаки, мчавшиеся по склонам холма, восторженно приветствовали его.

На такой лесной тропе Карл был знатоком своего дела. Едва уловимые шорохи приводили его к пасущемуся оленю или медведю. Он чутьем выдерживал направление, уверенный в том, что всегда выйдет куда надо. Если Карл решал провести ночь в лесу, он всегда мог отыскать ручей и развести костер.

Леса широко разрослись. Темные горные ели заполонили распаханнные земли в долинах, так как веками никто не противостоял их распространению. Часто в лесной чаще подросток натывался на каменную кладку покинутых деревень.

Его охотники верили, что в этом лесу до сих пор разъезжает Черный Всадник, а на холмах в новолуние можно увидеть костры ведьминогo шaбаша. Из глубины ручьев, там, где лавр оплетал ветви раскидистых дубов, смотрели русалки, особенно осенью, когда полная луна висела в небе, как маяк.

Тем летом Карл обнаружил, что было в мыслях у Пипина, когда тот подавал руку и обещал помочь умоляющему Стефану. После сейма «майского поля» королевский двор переехал в Париж. Туда Карл отправился с радостью, потому что в реке Сене водилось много кефали и другой крупной рыбы.

Могущественные феодальные сеньоры поехали со спокойной душой, так как в своих поместьях они закончили вспашку и сев. Пипин со своей семьей поселился в заброшенном дворце Юлия Цезаря на холме рядом с островом Париж. Когда-то короли династии Меровингов хотели возвести на этом месте великий город Париж. Особенно этого хотел похороненный здесь Дагоберт. Но более грубые Арнульфingi, возможно, потому, что не хотели идти по стопам других королей, забросили этот остров. Остров зарос ежевикой и был более известен под римским названием Грязный.

Впервые в жизни у Карла имелась своя комната в этом дворце римлянина Юлия Цезаря. Епископ Фулрад, живой и энергичный, радуясь приезду королевской семьи, рассказал Карлу, что очень давно в этом самом месте римские войска провозгласили Юлия Цезаря императором. В отличие от отца Фулрад гораздо лучше старался объяснить подростку дела давно минувших дней! Пипин, вечно занятый, если только не размышлял о чем-нибудь, становился нетерпелив, когда Карл не понимал таких вещей.

Это значило для подростка гораздо больше, чем мозаичный пол, на котором он спал и который вызывал у него неприятные ощущения даже через ночную одежду.

Впрочем, он всегда мог вылезти ночью через пролом в стене и растянуться на мягкой траве, слушать журчание реки и наблюдать за рыболовными лесками, которые Карл с другими ребятами ставил на ночь, до тех пор пока лучи восшедшего солнца не разгоняли туман с реки.

В добавление к одинокой пышности его комнаты и суеи Фулрада вид платья его матери предупредил Карла о готовящейся церемонии. Это была не просто новая одежда для зала или верховой езды, а переливающееся шелком и золотой нитью одеяние, туго облегающее шею и плечи и широким куполом спадающее к ногам. И хотя ходить в нем было трудно, она сияла от радости и, примерив платье, гордо выступала в нем, а прислужницы хлопали в ладоши. Несмотря на то что в ее жилах не текла благородная кровь, Карл думал, что в этом новом облегающем платье его мать, Бертрада, выглядит настоящей благородной дамой.

Когда он восхищенно закричал, Берта, как ее называл Карл, преклонила колено и склонила голову, словно доставляя удовольствие могущественному человеку. Она понимала, что он чувствует.

На первых порах Карл не придавал значения своему рождению, поскольку Берта была любимой наложницей его отца, который и женился на ней спустя несколько лет после рож-

дения мальчика. Люди посмеивались, глядя на Карла, идущего в свадебной процессии к алтарю.

Но в последние два года подросток обратил внимание – он всегда быстро замечал подобные вещи, – что никто больше не шутил и не смеялся. Керольд объяснил ему, что если Пипин истинный король, то должна быть разница между отпрыском любовницы и сыном королевы. Карл решил, что это не так важно. Однако, возможно, это тесней сблизило сына с энергичной требовательной матерью. Берта всегда была готова принять его сторону в ссоре с отцом, словно чувствуя, что следует уравнивать баланс сил. Наоборот, его отец никогда не стал бы потакать Карлу. Пожалуй, Пипин очень сильно любил ребенка, рожденного в законном браке. Карломану было всего три года, и он всех восхищал своим веселым нравом.

За день до церемонии они все отправились к серой каменной базилике Великомученика святого Дени (Дионисия), который принял мученичество, когда ему отрубили голову. С тех пор он почитается как апостол города Парижа. Папа римский Стефан удалился в этот монастырь в ячменных полях, чтобы восстановить силы после трудного путешествия.

После вечерни Берта попросила Карла остаться с ней, чтобы помолиться на каменных ступенях. Карлу хотелось отправиться исследовать леса, в которых он давно не был.

– Нет, останься со мной, – попросила она и быстро добавила: – Любимый сын, близок час, когда ты, возможно, не станешь делать того, что диктует тебе упрямство, как это было до сих пор.

Хотя это прозвучало как близость тяжелых испытаний, сама мысль об этом, казалось, развеселила ее. Чтобы быть уверенной, что он останется, она сжала его руку горячей ладонью. Берта пахла чистыми, вымытыми волосами и свежим льняным полотном. Карл охотно остался с матерью, потому что при свете свечей в апсиде открылась удивительная картина. Там обезглавленный святой Дени, или Дионисий, наклонился поднять свою голову у ног рослого палача.

Многие из тех, кто задерживался при свете свечей, восхищенно смотрели на преклонивших колени в молитве энергичную женщину и высокого подростка. Вблизи от Карла прошла стройная женщина с веснушками под глазами и всклокоченными растрепанными волосами. Но взгляд ее серых глаз, в которых читалось немое уважение, был устремлен на него. Не обращая внимания на уставившуюся девушку, Карл склонил голову с величавым достоинством, довольный тем, что выполнил желание своей матери.

Потом девушку увели. Он рассматривал святого Дени, рядом с гробницей которого покоился его грозный дед Карл. Вне всякого сомнения, такие святые великомученики, сидя рядом с тронном Господним на небесах, обладали огромной властью над земными событиями. В это глубоко верила его мать. Однако Карл помнил, как Стефан стоял на коленях перед его отцом, взывая к силе оружия.

– В таком случае чья же сила восторжествует?

День церемонии выдался ясным и жарким. Сухой сладкий дух шел с лугов, подступавших к дороге. Карл всегда воспринимал июль как месяц сенокоса.

В полях никто не работал, поскольку все собрались у церкви Сен-Дени. Люди толпились снаружи, потому что каменное здание было слишком мало, чтобы вместить всех желающих. Внутри находились только графы и знатные сеньоры. Но толпа в полях слушала трубные раскаты органа, который доставили специально, чтобы добавить торжественности празднику. Хотя этот странный инструмент скрипел и шипел, на дороге, на расстоянии, он звучал, по крайней мере для Карла, как трубы архангелов.

Да, никогда ему не приходилось быть свидетелем подобного триумфа: его величавая мать, ехавшая верхом до самого входа, чтобы колючки не попали на юбку, и два ряда дворцовой охраны с алыми плюмажами на вычищенных до блеска шлемах. Охрана отгоняла тупыми концами копий тех, кто был слишком пьян и пытался вломиться в храм Господень.

Долговязому Карлу казалось, что вся страна собралась лицеизреть почести, оказываемые его семье. Сам орган проделал долгое путешествие из далекого Константинополя. Мягкие высокие красные туфли на ногах Карла были куплены у мавританских купцов.

Карл долго ожидал, стоя позади отца и матери, пока папа римский Стефан в снежно-белых одеждах, с позолоченной лентой вокруг худой шеи благословлял новый алтарь из гладкого мрамора. Хотя Карл многого не понимал из того, что нараспев произносил папа, он осознал, что старый Стефан обращается ко всему небесному воинству с просьбой дать силу алтарю – к апостолам, архангелам, святым, великомученикам и другим подданным Бога.

Вслед за этим Стефан выполнил церемониальный обряд, подведя Пипина к алтарю и провозгласив его великим человеком, королем франков и «римским патрицием». После чего Стефан из крошечного серебряного рога капал сладко пахнущим маслом на круглую голову Пипина. Он помазал его на царство точно так же, как когда-то другого царя, Давида, помазали в прекрасном Иерусалиме.

Затем Стефан совершил нечто удивительное. Он вывел вперед Берту и окропил маслом ее прекрасную голову. И она уже была не простолюдинкой, а королевой франков. Как безмерна была ее гордость, когда она повернулась и посмотрела на изумленную безмолвную толпу герцогов, графов, рыцарей и епископов.

Когда подошла очередь Карла преклонить колени перед Стефаном, он отчетливо услышал: «Благородный муж, королевский сын, римский патриций».

Таким образом, его провозгласили благородным сыном короля и «римским патрицием». Значения слова «патриций» он не знал. В настоящий момент он ощущал только холодные капли масла на коротко остриженных волосах и восторг оттого, что его назвали благородным сыном Пипина.

После этого он вновь занял место рядом с Фулрадом, первым в ряду рыцарей, и тогда произошло нечто, к чему он совершенно не был готов. Старая усталая женщина подала Берте ребенка, его брата. Пока Берта держала маленького Карломана, слабый Стефан совершил тот же обряд, объявив ребенка благородным сыном и «патрицием».

На мгновение Карлу захотелось расхохотаться. Действительно, смешно было считать этого крошку «патрицием». И тут он увидел, что Берта вся раскраснелась от ликования.

Мгновенно, как удар ножа, Карл ощутил острый укол ревности. То, что ему даровали в знак уважения, не следовало бы дарить маленькому ребенку. Карл почувствовал глубокую обиду, но тотчас же решил, что никогда не заговорит об этом.

Размышляя над почестями, поделенными между ним самим и Карломаном, он мало обращал внимания на то, что Стефан произнес, обращаясь ко всем собравшимся. Во-первых, он не мог свободно следить за книжной латынью, во-вторых, остальные герои-франки, похоже, не знали, как должным образом реагировать. И когда горстка священников тянула: «Во веки веков – аминь!» – остальные дворяне, праздновавшие торжественный день, оглушительно кричали: «Виват!»

Но отдельные слова все же привлекли внимание Карла: «Вперед вы должны верно и преданно служить вашему королю, его наследникам, и никому другому».

В этот момент подросток немного утешился тем, что тесными узами связан с отцом. Только потом он осознал, что этими словами папа римский поставил семью Пипина особняком в качестве правителей. Его сыновья и сыновья его сыновей должны будут править королевством франков, невзирая ни на рыжих Меровингов, ни на многочисленную могущественную знать. Пипин закрепил трон за своей семьей как за королями по рождению.

Лишь много позже Карл понял, что Пипин, должно быть, договорился со Стефаном. На сейме «майского поля» Пипин убедил колеблющихся дворян перейти через Альпы и помочь церкви Святого Петра, а здесь в церкви Стефан объявил, что Пипин будет королем не просто

по имени, а по праву. Никто из находившихся в церкви не посмел возразить. По крайней мере, никто и не пытался.

Когда мужчины отправились на торжественный пир в трапезную монастыря, Карл на своей лохматой лошадке галопом поскакал через поля к реке. Он больше не чувствовал укол ревности. К этому способу Карл прибегал, будучи оскорбленным или чем-то встревоженным. Тогда он садился в седло и скакал до тех пор, пока пульсирующая кровь в его теле не проясняла голову.

Он быстро скакал вдоль реки, объезжая хижины и коровники. Заметив группу обнаженных купающихся юношей из дворца, Карл осадил лошадь и бросился на горячий песок, срывая с себя мокрую от пота льняную рубаху. Но он оставил на себе замечательные туфли из Кордовы, чтобы подойти к воде. Юноши, хорошо знавшие Карла, приветствовали его как нового «римского патриция».

– Мы, герои Рейна, – закричал один, – обходимся без всяких патрицианских штучек! Мы достаточно сильны, чтобы целовать девушек и повергать своих врагов наземь одним ударом меча – банг!

– И ножами взрезать им кошельки и глотки – чик! – в тон ему отозвался Карл.

Он не мог сразу отплатить едкой насмешкой, однако сумел придумать подходящий ответ. Нырнув в реку, он поплыл на другой берег и обогнал всех пловцов. Уже сейчас Карл мог превзойти многих взрослых мужчин в плавании, верховой езде и выслеживании зверя.

Когда Керольд с прислуживающими мальчиками принес холодное пиво благородным пловцам, Карл осушил свой кубок раньше остальных. После того как пиво охладило его тело, он придумал еще один ответ:

– Из всех героев-франков самый страшный удар мог нанести только мой дед и тезка Карл, потому что ему не нужны были меч или булава. Голым кулаком он мог проломить череп медведю.

– Тогда его кулаки были стальными и из них торчали обломки кремня!

– С мечом в руках, – продолжал Карл, пропуская мимо ушей эту реплику, – кто может сравниться с моим отцом Пипином?

– Лев и бык! – хором отозвались мокрые пловцы. – Расскажи нам о мече, льве и быке, как Пипин разделался с ними.

Карла не пришлось просить дважды. Он наполнил кубок, выпил и постарался, чтобы его пронзительный голос стал низким.

– Однажды Пипин сидел на своем походном стуле в окружении благородных сеньоров. Сначала на поле выскочил разъяренный бык. За ним последовал голодный, жаждущий крови лев. Лев прыгнул на спину быку, чтобы сломать ему шею. И Пипин крикнул своим подданным: «Благородные сирь, оторвите этого зверя от быка или убейте его, если вас не затруднит!» Благородные сеньоры задрожали в ужасе, и ни один из них не сдвинулся с места.

Мальчики с пивом и пловцы затаили дыхание, чтобы лучше слышать, так как им очень нравилась эта история, хотя они слышали ее много раз.

– Когда Пипин увидел, что они застыли на месте, – продолжал Карл, – он вскочил и выхватил свой меч из лучшей стали. Этим мечом он нанес всего один удар. Лезвие меча пронзило шею льва. Затем проткнуло шею быка и глубоко вошло в землю. Это был такой удар, который редко видят глаза людей. Франкские герои, увидев это, задрожали от страха и лишились дара речи. Разделавшись таким способом и со львом, и с быком, Пипин вложил меч в ножны и вернулся на свое место.

Выслушав историю, все развеселились и стали пить на согретой солнцем траве. Вытянувшись, Карл ждал, пока просохнет кожа, радуясь доброму товариществу и броску через реку, где он был первым среди пловцов.

Он скрыл от своих товарищей ту боль, которую причиняли воспоминания об утреннем помазании Карло-мана. Это было нечто личное, о чем ему не хотелось говорить.

Годы шли, и он научился таить в себе подобные обиды.

В 13 лет Карл вымахал выше шести футов. Обладая крепким сильным телом и мощной шеей, он мог без усталости носиться по лесам и запросто переплывал свои любимые реки Маас и Рейн. Его большая неугомонная голова с длинным носом и узкой щеточкой темных усов отличала его как настоящего Арнульфинга, потомка первого Орла-Волка. У него был такой пронизывающий взгляд широко раскрытых серых глаз, какой бывает у тех, кто постоянно выслеживает добычу в густой чаще. Но некоторая неуклюжесть еще оставалась, и голос Карла, когда он кричал, был таким же пронзительным, как у подростка. Когда он хохотал, то двигал ушами вперед-назад, словно буйное веселье в голове передавалось телу.

Он выглядел моложе своих лет, и ему суждено было остаться таким. Молодой Карл с радостью мчался верхом на коне впереди своих спутников, пускал стрелы или метал копья прямо с седла, делил оленину и медвежатину со своими голодными товарищами, щедро раздавал свои доходы, слушал восхваление его силы и ответный хор ликующих голосов. Он не любил, когда товарищи покидали его, оставляя наедине с собственными мыслями.

Так же как сокольничие и лесничие, следовавшие за ним в стремительной скачке, он одевался в вызывающую зуд фризийскую шерсть и кожу для защиты от холодов и сырости. Он чувствовал себя свободно со своими оруженосцами и веселыми юными деревенскими девушками и всегда мог приковать их внимание какой-нибудь историей или песней. Такому Карлу невозможно было сопротивляться. Женщины быстро уступали энергии его тела в сочетании с непреклонной волей.

Другой же Карл, одинокий, молчаливый, сознавал собственное невежество и беспомощность, когда из-за этого он допускал промахи. Его отец, в отличие от Карла, был уверен в себе. Подстрекаемый честолюбивой матерью Карла, он преодолевал опасности с легкостью Мефистофеля. Младшая сестра Карла Гизела была серьезной, спокойной и в то же время отдалившейся от остальных.

С каждым годом его младший брат Карломан все больше завоевывал всеобщую любовь. Монахи обители Святого Дени, бывшие наставники Пипина в его молодые годы, стали учителями мальчика. Фулрад уделял все свое внимание мальчику, который так легко овладевал латынью. Совершенно очевидно, что Карломану были присущи проницательность и рассудительность отца.

В течение этих тринадцати лет во франкских хрониках почти не упоминается имя Карла. Он не сопровождал своего отца в двух успешных походах через Альпы в Италию. Вообще говоря, это умалчивание в записях не так уж удивительно. Записи велись, если вообще велись, добросовестными писцами в монастырях, стоявших на перекрестках дорог, куда путники доставляли сведения о тех или иных событиях. Эти монахи-хронисты очень тесно умещали слова на клочках поцарапанного пергамента, потому что папирусная бумага времен римлян с Востока больше не поступала. Таким образом они записывали важные события каждый год со дня Сотворения мира. По их подсчетам, прошло 5960 лет с тех пор, как Бог создал небо и землю.

Они отмечали эпидемии чумы, появление в небе комет, чудеса и редкие события, вроде «прибытия органа в землю франков». Один такой хронист упомянул о Карле в 763 году: «Вновь король Пипин с армией и старшим сыном по имени Карл вторгся в Аквитанию и захватил много замков». Другой хронист, Адо из Вены, добавил, что, «взяв Клермон, они сожгли его дотла». Из их молчания явствовало то, что Карл служил своему отцу безропотно и ничем особым не выделялся.

В остальных случаях новости передавались в переписке между королевским дворцом и дворянскими поместьями. Не то чтобы Пипин и его сеньоры умели писать; они просто ставили свой знак под текстом писца.

В одном письме папа римский убеждал Пипина не разводиться с женой Бертрадой.

Трудно объяснить, почему Пипин хотел избавиться от матери Карла. Тем не менее именно тогда их самый младший сын умер вскоре после рождения. Берта достигла зрелого среднего возраста, ей было далеко за сорок. Властная королева франков совсем не походила на ту хорошенькую скромную любовницу, подарившую жизнь Карлу.

И Пипин, как это делали до него все крестьяне Арнульфingi, укладывал с собой в постель молодых девушек. Вследствие чего Берта, без сомнения, решила заняться политикой.

В этом она противопоставила себя Пипину и тем самым совершила ошибку. Поэтому от папы пришло письмо, предупреждавшее короля, чтобы тот не разводился с женой. В их размолвке Карл, должно быть, тянулся больше к матери, очень любившей его.

Карл женился на женщине, которую звали Гимильтруда. Известно только ее имя и то, что была она не из знатной франкской семьи и не вызвала никакого переполоха при дворе. Гимильтруда родила ему единственного сына, которого называли Пипином, следуя традициям Арнульфингов, дававших имена либо Карл, либо Пипин.

Однако очень скоро стало видно, что десница Господа коснулась этого ребенка. Насколько красив он был лицом, настолько хил телом, с растущим горбом, заставлявшим его поглядывать искоса на отца. Пипин с лицом ангела и горбатой спиной.

По иронии судьбы, у здорового, крепкого Карла родился сын, столь не похожий на короля Пипина, который никогда не прощал слабости. Слабый горбатый мальчик принадлежал как бы другому Карлу, одинокому, и нуждался в любви и защите. А у Карломана оба сына были достаточно крепкими.

В год своей встречи со Стефаном Карл воспринимал свою семью и бродячий образ жизни как должное. Теперь, похоже, он воспринимал землю франков, которой правил его отец, тоже как должное. Не имея права ни на какой участок, он превратил отдельные земли в свою собственность необычным способом. Никто не забирался так далеко от дома, как он, выполняя какую-нибудь миссию или просто охотясь. Он продирался сквозь лесные дебри там, где стояли заброшенные города, о которых никто не знал. Некоторые из этих мест он превратил в свои заповедники, поставив егерей охранять лесные тропы, чтобы никто, кроме него, не охотился на оленей, медведей и диких быков. В результате мрачные ущелья Арденн⁷, сосновые делянки, заброшенные добытчиками древесного угля, и пустынные вершины Вогезов стали маленькими владениями Карла.

Даже при отсутствии сведений о ранних годах юноши очевидно, что если Карл что-нибудь захватывал, то из рук уже не выпускал. В этом отношении он был очень неподатлив.

Он любил отдыхать в одной скрытой от глаз долине поблизости от Мааса, расположенной недалеко от Кельна («колонии» времен Римской империи), по которой текли чистые воды Вюрма, богатой дичью, с охотничьими угодьями – небольшим леском. Место это находилось в стороне от крупных речных артерий и выложенных камнем военных дорог римлян, которыми до сих пор пользовались франки. В долине имелись серные источники, образовавшие маленькие бассейны, где путники могли искупаться. Деревушка вблизи источников носила древнее название Аква-Гранум, что могло бы означать «Целебная вода» для ее давно исчезнувших обитателей.

Эту долину Карл страстно желал для себя.

⁷ Arduenna Silva – Горькие Леса.

Земля франков, подобно долине Аква-Гранум, лежала в стороне от внешнего мира, в бассейне рек Рейна и Луары. По причине быстрого прихода в упадок и зарастания древних пахотных земель эти реки служили пограничными барьерами и одновременно путями сообщения. В отсутствие дорог люди на небольших суденышках часто путешествовали по воде; Карл мог оснастить рыбацью лодку кожаным парусом и по горным рекам спуститься с отрогов Альп, достичь течения Рейна и каменных бараков римского легиона в колонии (поселении).

Минуло почти три столетия, как те римские легионы ушли в небытие, и с ними вместе ушла устойчивая система управления армией и поселенцами при помощи твердых законов и действующих путей сообщения, паутиной раскинувшихся по всему известному миру.

На Западе, в отличие от других варварских народов, древние ремесла вымирали. В своих скитаниях вестготы пересекали многие границы, пока не обосновались в Испании. Остготы осели в самой Италии, куда за ними последовали агрессивные лангобарды. Даже непредсказуемых вандалов более воинственные племена вытеснили за море на гостеприимное побережье Северной Африки.

На соседний остров Британию, где городская жизнь римлян дышала на ладан, хлынули орды морских бродяг, англоv, саксов и ютов. Франки не могли похвастаться чудесами цивилизации, даровавшими миру боевые колесницы и сборщиков налогов.

Слово «франк» могло означать «блуждающий» или «свирепый». В памяти этого народа хранились воспоминания о тяжелой жизни на туманном побережье Балтийского моря. Их легендарный князь Меровея – сын Моря – был племенным вождем. После того как его подняли на щит воины, он правил, подчиняясь собственным прихотям и желаниям родов. Лесные жители прорубали себе путь топорами, в лесной чаще и в сражениях, медленно продвигаясь вверх по течению Рейна от балтийских пустошей до плодородных земель. Там обосновались австразийские франки. Остальные двинулись к реке Сене и осели в области, называемой Нейстрией. Затем, объединившись под началом короля Хлодвиг, оттеснили вестготов на юг Галлии.

Зарывшись в свои леса, полагаясь только на собственные силы, борясь с лишениями и голодом, они питались тем, что добывали в лесу и выращивали на своей земле. Топоры они сменили на более эффективные мечи, и искусный кузнец был почти волшебником. Лошадей, на которых пахали землю, они превратили в боевых коней, слагателей саг – в бардов, а своих наследных королей – в беспокойных правителей, у которых жизнь была коротка. Власть королей ограничивала совет воинов и старинную племенную традицию личной свободы. Город означал для франков толпу людей, строивших хижины. Цивилизация для них была лишена всякого смысла, если не считать церковных обрядов и редких священных книг, повествовавших о волшебном райском саде и муках грешников. Предметы цивилизации иногда попадали к ним или со Средиземного моря с арабских торговых кораблей, или из далекого сказочного Константинополя, где император обитал в мраморном дворце, где росло золотое дерево, пели украшенные драгоценными камнями птицы и играли органы.

Возможно, предки франков рыскали вдоль Балтийского побережья на рыбацких судах, а может, и на ладах-драконах. Это были самые смутные воспоминания о золотом веке Меровингов, когда здание римского могущества и власти еще не рассыпалось на обломки акведуков, терм и амфитеатров, за которыми никто больше не следил, и они потеряли всякое значение. Ничто не могло заменить могущество исчезнувших цезарей. Причалы в таких портах, как Булонь, опустели и заросли сорняками.

Франки постепенно расширяли свои владения под предводительством таких бойцов, как Хлодвиг и Дагоберт. Карл Молот привил франкам вкус к победам. Пипин, планировщик, действовал осторожнее, избегая рискованных сражений и стараясь укрепить связь с храмом Святого Петра. Он добивался, чтобы ядро Франкского государства стало средоточием вла-

сти на пути между языческими пограничными областями и центрами слабо развитой культуры в Аквитании и Ломбардии. Пипин объявил, что те, кто присоединится к Франкскому государству, могут следовать собственным законам и не подчиняться законам франков.

Однако за пределами владений франков была в ходу поговорка: «Франку можно быть другом, но не соседом».

В те годы Западная, христианская, Европа тонула в глубокой тьме веков. Происходило хаотическое перемещение, «великое переселение народов», говорящих на разных языках; не существовало той силы, которая могла бы упорядочить это движение. Славное прошлое постепенно забывалось, а на будущее не было никакой надежды.

Душами людей владела только страстная мистическая вера в конец света, связанный со вторым пришествием Христа.

И все-таки ощущалось какое-то оживление в жизни, словно в муках рождалось нечто неведомое. Две личности боролись за право обладать властью – вождь напирających франков и глава церкви Святого Петра. Пипин, подумав, протянул руку Стефану, папе римскому.

Но тяжесть стального меча перевесила авторитет святого отца.

Странно, но сопротивление Пипину шло из наиболее просвещенных областей – восточной границы и далекого юга. На востоке племена баваров имели доступ к торговой водной артерии – Дунаю – и поддерживали связь с богатым народом лангобардов из Италии. Баварский герцог Тассилон, такой же молодой, как и Карл, облачался в роскошный алый бархат, а на руках, как король, носил золотые браслеты. Тассилон доводился Пипину племянником, но при этом утверждал, что он жених лангобардской принцессы, и повсюду таскал с собой парикмахера и поэта. Герцог хвастался, что заслуживает своего Вергилия⁸. Карл последнего не знал.

Как-то летом, после давно прошедшего дня «майского поля», король Пипин ожидал на песчаном берегу стремительной реки Луары прибытия Тассилона с отрядом баваров в ответ на призыв к оружию. В период между севом и сбором урожая Пипин предпринял поход в глубь Аквитании, где герцог, как обычно, оказывал ему открытое неповиновение в течение всей зимы. С баварами он собирался дойти до Пиренеев и подавить их сопротивление.

Когда Тассилон наконец появился с отрядом вооруженных всадников, он, облаченный в красную мантию, вразвалку прошел между рядами личной охраны Пипина. Тусклые темно-красные накидки солдат, насквозь промоченные дождем, походили на мешки для фруктов. Карл, стоя за спиной Пипина, никогда прежде не замечал, как нелепо выглядит охрана в этой форме, копирующей форму римлян. Но Тассилон острым взглядом сразу охватил и форму, и временные бараки франкского войска. У него тоже имелся свой план, весьма отличавшийся от плана Пипина.

Тассилон приветствовал своего дядю-короля и, извинившись, ответил отказом на приглашение к пиршественному столу, прямо заявив, что прибыл, следуя своему долгу, несмотря на то что слишком болен, чтобы участвовать в карательной экспедиции франков. Красивый и красноречивый, Тассилон совсем не напоминал больного человека.

– Моя искренняя добрая воля, – заключил он, – будет сопровождать вашу милость по дорогам войны или мира.

Пипин по своей привычке подумал, прежде чем ответить.

– Ты поклялся, – наконец заметил он, – у гробницы святого Илии являться без промедления в ответ на мой призыв к оружию.

Тассилон возразил с несколько меньшей высокомерностью, что он, безусловно, сдержал бы клятву, если бы позволило здоровье. Будучи больным, он не смог этого сделать.

⁸ Вергилий (70–19 до н. э.) – римский поэт.

Упрямый Карл бросил бы своему кузену вызов, обвинив в дезертирстве перед лицом врага. Однако он не получил сигнала от Пипина. Кроме того, Тассилон находчиво представил дело так, словно это была не война, а простой поход.

Пипин долго размышлял. Если бы дело дошло до открытой схватки с хорошо вооруженными баварами, его войско могло понести тяжелые потери и не справиться с восставшими аквитанцами. В конце концов он позволил Тассилону беспрепятственно удалиться.

– Не следует иметь больше одного врага одновременно, – пояснил он своему внебрачному сыну.

Карл не понимал, что Пипину известна причина, по которой не следовало испытывать боевую силу франков.

Впервые ему показалось, что Пипин проявил слабость. Действительно, в последнее время его отец выглядел медлительным и частенько сидел, погруженный в дрему, на своем высоком резном стуле. Руки и ноги у него опухли, а под глазами образовались мешки.

– Его собственная глупость, – разразилась Берта гневной речью, – заставила его искать помощи за тридцать земель, и где? У гробницы святого Петра! Есть ли у этого папы римского хоть один копейщик или хотя бы захудалый лучник, чтобы отправить их на войну? Нет, ни единого.

Ее чисто женская язвительность подогревалась тем уважением, которое она прежде испытывала к Пипину, дерзкому воину, предпочитавшему теперь переговоры и мир. Она также обратила внимание на царственное величие Тассилона и его свиты. В своем воображении она представляла его красную мантию плащом архангела. Кроме того, она ждала от Пипина, что тот будет править мелкими сеньорами Зальцбурга и Тулузы как покорными вассалами. У нее бы возросло чувство собственного достоинства, потому что в глазах других женщин ее положение в обществе стало бы выше. Особенно в глазах этих жеманниц из роскошной Тулузы и надменных южанок из Прованса и садов Оверня, где было гораздо красивее, чем в ее собственных крытых соломой поместьях в Суассоне и Вормсе. К тому же эти женщины не упускали случая напомнить о том, что их предки принадлежали к римской знати.

По мнению Берты, Пипин терял хватку.

После того как бавары отбыли восвояси, Пипин повел своих франков через Луару. Карлу казалось немыслимым то, что Тассилон, здоровый мужчина, дезертировал, а его больной отец продолжал воевать.

Уже в третий раз Пипин повел франкские войска на юг. На этот раз в 768 году от Рождества Христова он ехал на лошади в паланкине. В хрониках того года говорится, что он «отправился в поход после пасхальных праздников, оставив дома королеву Бертраду с семьей».

Он дошел со своим войском до подножия Скалистых гор, последнего оплота его врага. Там герцог Аквитанский был убит своими же людьми, уставшими от войны, и никого больше не нашлось, чтобы выступить против Пипина. Но сам Пипин занемог, так и не успев наказать Тассилона за клятвопреступление и дезертирство.

Моментально его паланкин был доставлен туда, где ждала Берта. Мимо Пуатье, где с желтых полей снимался урожай, где Карл Молот разбил мусульманских всадников, через золотистую Луару его и доставили в монастырь Святого Мартина в Туре. Пипин пожертвовал монастырю целое состояние в надежде, что святой Мартин вылечит его.

«Оттуда он отправился, – повествуют хроники, – в Сен-Дени, где умер 8 октября». Его похоронили под полом базилики рядом с могилой Карла Молота.

Глава 2

РЕЙД НА КОРБЕНИ

Пройдет немного времени, и друг Карла Алкуин опишет тот период как «эти мрачные дни стареющего мира».

Точно так же, как в семье Карла давно уже не было согласия, так и его королевство зашаталось после смерти Пипина. Возможно, коренастый Пипин окончательно выдохся в своих последних военных кампаниях. Шаткое господство над полудюжиной варварских народов, которые он покорил, целиком зависело от его, Пипина, личности. После него не осталось твердой власти, которая могла бы управлять государством.

Молчаливый Пипин не позаботился заранее о своем преемнике. Ни Карлу, ни Карломану он не передавал никаких земель, где они могли бы править самостоятельно. Лишь за день до своей смерти он завещал половину королевства Карлу и половину его младшему брату. Согласно воле покойного, Карл получал во владение часть государства от Аквитании до Тюрингии вдоль морского побережья и среднего течения Рейна вплоть до Баварских Альп. Карломан должен был править в средней части, включавшей Бургундию, веселую Тулузу и тучный Прованс.

Таким образом, Пипин поставил перед мощным стремительным Карлом задачу по охране границ, а Карломану, как более талантливому, выпало поддерживать порядок в сердце государства.

Покорные воле короля, знатные франкские сеньоры торжественно сопроводили братьев на север, где, подняв Карломана на щит, его провозгласили королем франков в Суассоне. Карл был провозглашен королем франков по другую сторону границы, в Нойоне.

И оба брата никогда больше не встречались. Они просто враждовали. И с этого момента отношения двух братьев окончательно перестали носить дружеский характер. Они настолько враждебно относились друг к другу, что малейшая искра привела бы к открытому столкновению. Вместе с Карломаном уехали мудрейшие советники – архикапеллан Фулрад, канцлер герцог Окер и молодой Адальгард. С Карлом не осталось никого из могущественных сеньоров. В возрасте 26 лет он стал королем, и это не принесло ему ни славы, ни почестей.

Возможно, растерявшись, он поддался влиянию своей честолюбивой матери. Для Берты смерть Пипина означала освобождение, сосредоточение власти в собственных руках и желание делать все наперекор тому, к чему Пипин стремился всю жизнь. Вместо Франкского государства, управляемого волей одного человека, она жаждала спокойствия и высоких титулов для обоих своих сыновей. Почему бы им не объединиться в союзе с семейством великолепного Тассилона и семейством далекого лангобардского короля? И закрепить союз брачными узами? Это было такое простое и удачное решение – четыре короля западного христианского мира, объединенные родством и преданностью друг другу, которых вдохновляла бы вдовствующая королева-мать Бертрада.

Карл не возражал. Он объезжал новые владения вместе со своим похожим на гнома сыном. Карл смутно желал обеспечить этого маленького Пипина почетом и положением в обществе, коих сам он никогда не знал. Берта знала больше, чем он, о порядках при дворе. Подобным образом он мог бы продолжать бесцельно и лениво объезжать границы – в своем первом указе он скромно именовал себя лишь «преданным защитником церкви», – если бы не вспыхнувшее на юге восстание. Некий Гунальд, возникший как дух из монастыря, поднял Аквитанию на борьбу с новыми королями Арнульфингами.

Это уже было настоящее дело. Возбужденный Карл отреагировал немедленно и отправил гонца к брату с просьбой привести вооруженный отряд после весенних полевых работ с тем, чтобы вместе отправиться в поход. Сам Кёрл быстро собрал армию в Рейнской области и на побережье и поспешно выехал навстречу Карломану.

Но более осторожный брат не собирался кидаться в огонь сражения; он считал, что это обязанность Карла – охранять границы. Угрюмый Карл точно в духе Пипина предоставил брату идти своей дорогой. Очевидно, что у него не было четкого плана, но Карлу сопутствовала удача. В нетерпении он двинул вперед лучших всадников с копьями наперевес, и Гунальд предусмотрительно отступил к холмам Гаскони.

Преследуя его по пятам, Карл сделал остановку за рекой Гаронной, помня о том, что его могут внезапно атаковать. Пока на скорую руку сооружался каменный форт, он отправил гонцов к герцогу Гасконскому с требованием выдать предателя Гунальда:

– Я пришел в Гасконь и без него не уйду.

Это была чистая похвальба, вызванная эмоциональным душевным подъемом. Однако опрометчивый рейд Карла поверг страну, где никто не знал его истинной силы, в смятение. Очень скоро мятежника Гунальда, связанного по рукам и ногам, доставили Карлу. Тот рассмеялся собственной удаче, воздал почести всем, кто преданно следовал за ним, а своего врага отправил обратно в монастырь.

Это походило на охоту в незнакомом лесу. Когда немногочисленный отряд франков, сделав круг, спускался с холмов, то они увидели далеко на юге серые скалистые вершины Пиренеев и небольшую расселину, отмечавшую Ронсевальское ущелье.

Внебрачный сын Пипина мог бы спокойно почивать на лаврах, довольный своей легкой победой, одержанной скорее благодаря быстрым коням, нежели острым мечам. Но тут вмешалась его мать.

Франкские, а также более поздние немецкие и французские хроники пестрят описаниями бедствий, причиной которых были красивые энергичные женщины. В эпосе «Песнь о нибелунгах» доблестные воины погибают, как правило, по причине ссоры их брунгильд. Арнульфингов всегда привлекали необыкновенные женщины, и Кёрл в этом отношении не был исключением. Берта, прекрасно об этом осведомленная, надеялась руководить сыном во время его царствования.

Королева-мать покинула королевство франков и отправилась в долгое путешествие, не раскрывая своих целей. Теперь она возвращалась с триумфом. Берта привезла Карлу предложение жениться на молодой лангобардской принцессе. Кроме того, она познакомила сына с уже запущенной в действие совершенно новой политикой, разрушающей то, что создавал Пипин.

Намерения Берты были ясны. Главным образом она стремилась примирить сыновей. Упрямый Карл не мог простить Карломану дезертирства в Аквитанию. Кроме того, он не мог согласиться с претензиями Карломана на половину лесных угодий в Арденнах. Инстинктивно Берта понимала, что в сражении неуклюжий визгливый Кёрл одолеет более мягкого правителя с берегов Сены. В то же время образованная, развитая жена прибавила бы достоинства неотесанному Карлу.

Успех ее путешествия превзошел все ожидания. Но Берта и сама была удивительной женщиной. Вероятно заручившись поддержкой могущественных сеньоров, советников Карломана, она уговорила младшего сына вступить в союз с баварским герцогом Тассилоном и лангобардским королем Дезидерием. Женив Карла на девушке из королевской семьи, она вовлекла бы непокорного сына в этот четверной союз.

В своих действиях Берта полностью игнорировала единственный союз Пипина Короткого с главой церкви Святого Петра. Пипин в своих итальянских походах наголову разбил лангобардов, которые жаждали завладеть всей Италией – и Римом. Он поклялся защищать

шаткую христианскую церковь за стенами Рима. Однако Берта и там произвела хорошее впечатление. Она сделала вид, что совершает паломничество к храму Святого Петра, одновременно намекая, что явилась с миссией мира.

– Да будут благословенны посланцы мира, – напомнила она Карлу, рассказывая о своей триумфальной миссии.

Она не упомянула о страшных бедах, которые могли обрушиться на церковь Святого Петра и ее главу. Можно с уверенностью утверждать, что король лангобардов Дезидерий всячески превозносил ее план и засыпал королеву обещаниями мира и благоденствия. Для него было бы подарком судьбы избавиться от угрозы со стороны опасных франков – иметь зятем Карла, старшего из двух братьев-королей, занятого умиротворением далекой Аквитании.

– На юге по-прежнему беспокойно, дорогой, – уверяла Берта своего сына. – Принцесса Дезире такая хрупкая и нежная. Ты должен быть с ней поласковее.

Вскоре Дезидерата, или Дезире, со свитой говорящих по-латыни придворных прибыла в Рейнскую область в качестве нареченной невесты Карла. Она действительно была хрупкой и болезненной и обладала непомерной гордыней, о чем Берта не стала упоминать. Она также игнорировала тот факт, что Карл уже был женат.

К привязанности Карла к своей матери добавилась необходимость жениться на выдающейся девушке. Он искренне увлекся ею. Карл немедленно отказался от своей жены Гимильтуды. Простушка, она, конечно, не подходила суровому королевскому двору франков. Но, вступая в брак с принцессой, он оставил при себе маленького Пипина Горбуна.

В общество франков лангобардская невеста привнесла чувство утонченности и удивительные запросы. Служанка расчесывала ей волосы, а пажы подавали серебряные блюда с едой и стеклянные бокалы с напитками. Она одевалась в шелка и бойко тараторила по-латыни.

Царственный супруг Дезидераты был полной ее противоположностью. Встав на рассвете, Карл сам наматывал на ноги обмотки и натягивал поверх нижней рубашки потертую кожаную куртку. Он пешком обходил свинарники и конюшни, объедался сыром и жареной олениной, а из спальни в часы перед обедней шел молиться, накинув на плечи овечью шкуру. В его передней постоянно толпились пастухи вместе с собачниками и сокольничими. Дома в Павии Дезире жила во дворце с террасами, и в римских банях, отделанных мрамором, ей прислуживали массажистки. В стране франков не было ни подобного дворца, ни настоящего города и не хватало горячей воды, кроме как в теплых минеральных источниках, где Карл любил плескаться обнаженным в компании друзей.

Он обещал, что в Ингельхейме ее ждет его царская резиденция. Это королевское жилище отгораживалось от рыночной площади деревянной стеной, которую подпирали кучи навоза, где рылись свиньи. На стенах зала местами сохранились красноватые римские росписи, изображавшие фавнов, гонявшихся за нимфами, и пахло коровником, расположенным по соседству. Карл разбил вокруг дворца фруктовый сад, в котором скрипело водяное колесо, крутившее жернова мельницы. Рядом с дворцом струился ручей, впадавший в пруд, где обитали утки, а королевский сенешаль разводил вдобавок кур и красивых фазанов.

Среди фруктовых деревьев летали голуби, и к праздничному столу их подавали на деревянных тарелках. Карл любил, когда оленину жарили на вертеле и она коптилась в дыму от жира, капавшего в очаг. Он утверждал, что в его городе Ингельхейме царят тишина и покой, а кроме того, город осеняет святость местного святого по имени Реми.

Крыша над головой Дезире была засажена разными травами, которые служили приправой к мясу и отражали молнии. Сад украшали мраморные изображения неизвестных римских императоров, и некоторое оживление вносили прогуливавшиеся с важным видом павлины, кричавшие перед восходом солнца, когда просыпался Карл.

Дезире казалось, что королевская резиденция в Ингельхейме на самом деле просто ферма. Король, ее супруг, пообещал, что они отправятся вниз по реке и она увидит изумительный сад.

Он страстно желал стиснуть ее в объятиях и вместе с ней погрузиться в благоуханные воды источников в болотистой долине Аква-Гранум, которую называл райским уголком! Там он пересчитал по головам зверей в своих лесах, дичь, летящую над головой, и Дезире казалось, что он пересчитал даже деревья в густом лесу, так тщательно сохраняемом для его охотничьих утех. Куда бы Карл ни направлялся, его нескладный горбатый сын следовал за ним как тень.

Во время этого бурного свадебного путешествия Карл неожиданно получил письмо из канцелярии папы римского, которое ему прочел его нотариус. Это гневное письмо, адресованное братьям-королям, Карлу и Карломану, написал сам папа римский.

«До наших ушей дошла весть, о которой мы не можем говорить без боли в сердце. А именно что Дезидерий, король лангобардов, ищет способа убедить ваши величества, что одному из вас следовало бы соединиться в браке с его дочерью. Если это правда, то это настоящее дьявольское наущение... Какое недостойное упоминания безрассудство! Один из вас, примерных сыновей и прославленных франков, собирается заключить союз с предательским и смрадным народом лангобардов, который не может быть причислен к другим нациям, разве что к племени прокаженных!»

Письмо прозвучало как крик души человека, лишившегося разума. И действительно, стражи церкви Святого Петра ощутили на себе все последствия дипломатии Берты, потому что их враги, лангобарды, с чистой совестью и без оглядки на грозных франков, поскольку те стали их союзниками, начали отбирать у папы оставшиеся области и города.

Для Карла, никогда не выезжавшего за пределы Франкского государства, а потому имевшего весьма смутное представление о конфликтах в Италии, это письмо грянуло как гром среди ясного неба. И концовка письма жалила в самое сердце.

«Вы обещали крепкую дружбу преемникам святого Петра. Их враги должны были стать вашими врагами; их друзья – вашими друзьями».

Да, так поклялся Пипин. И письмо повествовало о том, как Стефан II перешел Альпы, чтобы добиться этого:

«Путешествие, которое ему, возможно, лучше было бы никогда не совершать, если франк собирается объединиться с лангобардами против нас. Где же теперь ваши обещания?... Поэтому мы без особой надежды настоятельно просим, чтобы никто из вас, родных братьев, не сочетался браком с дочерью вышеупомянутого Дезидерия, чтобы ваша сестра, благородная леди Гизела, возлюбленная Господа, не была отдана сыну Дезидерия, чтобы вы не отвергли своих жен».

Карл уже женился на Дезире и таким образом вступил в союз с далекими лангобардами. Для большинства мужчин в сложившихся обстоятельствах подобный яростный протест папы мало бы что значил, но упрямому Кёрлу была присуща своеобразная чувствительность. В его памяти оживали воспоминания... дрожащий от холода Стефан... клятва Пипина... калека сын, носящий имя Пипина...

Это он, а не Карломан отверг свою жену. Похоже было на то, что письмо адресовано лично ему. Карломану оно было ни к чему. Он и так имел своих посланников в Риме и должен был знать, что там происходит.

Карл чувствовал, что происходит какое-то надувательство, и страшно разгневался. Но в нем самом гнев боролся с чувством сильной привязанности к Берте, а тут вмешалось еще одно обстоятельство. Карл потребовал, чтобы все его подданные старше 12 лет присягнули ему как королю: «...Я клянусь моему господину, королю Карлу, – как знакомы ему были эти слова, – и его сыновьям хранить им верность всю свою жизнь без обмана или злой воли».

По его требованию могущественные сеньоры также поклялись в преданности новой королеве Дезире.

Предаваясь подобным размышлениям, Карл продолжал путешествие по Рейну со своей женой. А тем временем в его владениях наступило время весенней пахоты одновременно с Пасхальной неделей 771 года. В монастырях паломники открыто рассказывали о разгуле и пьянстве, царивших на улицах Рима и вызванных кознями лангобардов.

Вслед за первым письмом последовали другие, очень странные письма. Несмотря на то что адресованы они были порознь Берте, Карлу и Карломану, содержание их мало отличалось друг от друга. Как следовало из писем, папе оказал помощь в его тяжелом несчастье – подумать только! – король лангобардов. «Пусть ваше христианское величество (Карл) узнает о том, как... превосходный, хранимый богом король Дезидерий встретил нас очень доброжелательно. И мы получили от него полное и окончательное удовлетворение всех претензий церкви благословенного Петра!»

Карл не поверил ни единому слову. Он инстинктивно чувствовал фальшь. Вероятнее всего, слабый, напуганный папа Стефан III сдался на милость лангобардам.

По-видимому, ничего нельзя было сделать. Это последнее письмо, безусловно, освобождало нового короля франков от какой бы то ни было ответственности. И не в его власти было вмешиваться в это дело. Но Карл не мог так просто обо всем забыть. К тому же его сестра Гизела наотрез отказалась выходить замуж за лангобарда.

Папа даже поздравил Карломана с рождением сына. Земли Карломана граничили с землями короля лангобардов Дезидерия и с землями герцога Тассилона, который заявил, что он теперь тоже король. Да, они все были в восторге от своего успеха, и Карл в одиночку вряд ли мог противостоять этой троице, а также Дезире.

Поступок, который совершил озадаченный и раздраженный Карл, был импульсивным и крайне неразумным. Он объявил Дезире, что разводится с ней и что она ему больше не жена и не королева.

Гордая лангобардская женщина не стала ни минуты задерживаться в поместье Карла. Быть отправленной восвояси этим мужланом с писклявым голосом, как какой-нибудь девчонке, – неслыханный позор! Она спросила только о причине, по которой он разводился с ней.

Карл не имел особой причины. Такова была его воля.

Дезире уехала вместе со своими прислужниками и придворными, даже не позаботившись забрать серебро, которое она привезла с собой в качестве приданого. Она пронеслась как вихрь вверх по реке в направлении Альп.

Мать Карла, вне себя от гнева, поспешила к нему и расплакалась, когда не смогла заставить его изменить свое решение. С этого момента Карл больше не искал ее совета. И Берта прекратила свои путешествия и игры в дипломатию. Хроники рассказывают, что она целиком посвятила себя добрым делам в монастыре в Прюме.

Белый от ярости, к Карлу примчался его юный кузен Адальгард. Юноша необдуманно высказал Карлу все, что было у него на уме:

– Ты животное! У осла с длинными ушами больше здравого смысла, чем у тебя. Ты нарушил супружескую верность. Ты сделал меня клятвопреступником вместе со всеми франками, которые поклялись в преданности твоей королеве.

Карл не поднял руки на юнца. И не послал гонцов к Дезире, чтобы вернуть ее. Адальгард покинул виллу и много лет не появлялся пред глазами своего короля.

На ярмарку в честь урожая в тот год очень рано приехала темноволосая тринадцатилетняя девушка по имени Хильдегарда, происходившая из знатной швабской семьи и присутствовавшая на ярмарке вместе со своим семейством. Карл заметил ее в толпе, окружавшей скрипачей, которые при его появлении ударили в смычки. Он подошел к девушке, чтобы

поздороваться, и убедился, что она застенчива и обладает приятным голосом. Пожимая ей руку, Карл ощутил твердую и теплую ладонь. Когда он отошел, девушка проводила его взглядом. Карла не оставляла мысль о Хильдегарде, и, откинув назад косматую голову, он рассмеялся.

– Я проклятый богом дурак! – закричал он, обращаясь к небесам.

Подобно письму из Рима, весть из Корбени грянула как гром среди ясного неба: его тяжело заболевший брат Карломан находился при смерти.

В отчаянии размышляя над письмом, свирепый франк действовал тем не менее быстро и решительно. Призвав к себе сокольничих и лесничих, он отправился через лес на юг, словно собираясь поохотиться на оленя. Но в дороге Карла сопровождал сильный эскорт вооруженных всадников из тех, кто участвовал в рейде по Гаскони.

Доехав до границы двух королевств, Карл нашел приют в хижине и стал ждать. Как только один из лесничих привез ему известие о смерти Карломана, он тотчас же отправился в путь вместе со своими спутниками.

В Корбени собрались советники умершего короля с громкими именами – архиепископ Фулрад, граф Уорин, герцог Окер и оба дяди-военачальника – Бернгард и Тьери.

Без объявления о своем приезде Карл ночью явился на совет. Снаружи его ждали вооруженные всадники. После того как прозвучали приветствия, он повернулся лицом к советникам и коротко заявил:

– Наш отец Пипин передал власть двум своим сыновьям. Теперь, когда Карломан умер, власть должна принадлежать только мне.

Кто-то вспомнил о двух сыновьях Карломана. Отцовская доля по наследству переходила к ним. Требовалось назначить опекуна, который следил бы за соблюдением их прав до тех пор, пока они не достигнут совершеннолетия.

– Сколько лет? – спросил Карл и, услышав ответ, отрицательно покачал головой: – Нет.

Окер, которому тоже принадлежали немалые земли во владениях Карломана, осмелился возразить:

– У них есть мать, в свое время должным образом сочетавшаяся браком и из хорошей семьи.

Он мог бы также напомнить слушателям о том, как Карл прогнал дочь короля лангобардов. Собравшиеся почувствовали приближение грозы. Какое-то время Карл молчал, уставясь на горевший посреди залы огонь, дым от которого, колеблясь, уходил через отверстие в потолке. Наконец всем, внимательно наблюдавшим за ним, показалось, что он расслабился.

Подойдя к безмолвному Фулраду, Карл взял священника за руки и спокойно произнес:

– Ты всегда был добрым другом сыну Пипина. И я прошу, пусть твое слово решит судьбу королевства Пипина и его внуков.

С этими словами Карл вышел и стал ждать во дворе на холоде. Он оставил всех в недоумении и с чувством новой ответственности. Они ожидали более резкого отпора.

Фулрад решительно заявил, что королевство в это тревожное время должно управляться твердой рукой, следовательно, Карлом. Оба дяди вспомнили об Аквитании и поддержали священника. Это решение выражало волю собрания. Но сеньор Окер, не испытывавший никаких дружеских чувств к Карлу, отправился искать вдову Карломана Гербергу.

После того как стало известно решение собрания, вдова короля умчалась вместе с Окером и детьми по дороге в направлении Павии.

– Разве это имеет значение? – спросил Карл. Казалось, он остался равнодушен к их бегству, не сделав никакой попытки остановить беглецов.

– Это имеет большое значение, – серьезно ответил Фулрад.

Оба мальчика, рожденные в браке, были настоящими наследниками Карломана и, находясь в руках лангобардского короля, могли вызвать в дальнейшем серьезные осложнения для Франкского государства.

И все равно Карл не изменил своего решения. Ему казалось забавным, что настоящие потомки Арнульфingов должны бежать из собственного отечества, оставляя у власти его, незаконнорожденного, вместе с калекой сыном. Карл смеялся и качал головой. Именно в то время кто-то должен был взять на себя ответственность, и, благодаря провидению, ему одному была уготована эта участь. Теперь в руках Карла оказалось все королевство. Остальное не имело значения.

Казалось, что он думал именно так. Но насколько рассудительно, если вообще можно было употреблять это слово по отношению к Карлу, он подходил к решению подобных проблем?

Он действовал по-дурацки и, несомненно, чисто импульсивно. Карл без видимой причины отверг двух жен, и, отправив Дезире восвояси, он посеял семена смертельной вражды в душах и без того недружелюбных лангобардов. Он присвоил наследство брата и в дальнейшем безрассудно позволил его детям попасть в руки того самого врага, который мог бы наилучшим образом использовать их в качестве заложников. Более того, действия Карла вызвали семейную вражду между ним и его кузеном Тассилоном, который женился на сестре Дезире.

Да, его кузен Адальгард сказал чистую правду – животное поведение Карла превратило его в супруга-изменника, а франкских сеньоров в клятвопреступников. (И хронисты более поздних времен, описывая эпоху царствования Карла, будут усиленно стараться навести глянец на его жестокие действия, называя Гимильтруду его любовницей и объясняя, что Карл развелся с Дезире потому, что она все время болела и не могла иметь детей. На самом деле это было не так, потому что королева-изгнанница, приехав во дворец родного отца, умерла при родах. Такая печальная судьба постигла второго ребенка Карла.)

Безусловно, Карл впал в ярость, когда понял, какую совершил ошибку, поддавшись на уговоры матери. Его младший брат, осторожный Карломан, действовал умнее, и умудренные годами советники его поддержали. Однако безрассудному Карлу удалось склонить на свою сторону могущественных сеньоров, готовых покинуть его в Корбени. Он озадачил их своим стремительным и неожиданным появлением. Вслед за этим Карл выказал неожиданную кротость, предоставив решать свое дело архикапеллану Фулраду, и тем самым вынудил их высказаться в свою пользу. Впоследствии сеньоры утверждали, что он их околдовал. У Карла имелся особый дар приобретать самых неожиданных друзей.

Его упрямство стало основой негибимой воли. При помощи лести, ловкости рук, настойчивости или простой силы этот необыкновенный человек добивался своего. Он заставил своих собственных подданных принести присягу верности. Вслед за этим Карл потребовал такой же клятвы от подданных Карломана, от «каждого лица мужского пола старше 12 лет». Парни, сбивавшие палками желуди для свиней, должны были присягать Карлу. По крайней мере, их просили об этом.

Ни о чем подобном прежде не слыхивали и впоследствии опять забудут на долгие века. Конечно, в то время мальчик или девочка в возрасте 12 лет считались достаточно взрослыми, чтобы трудиться, носить оружие или вынашивать детей, и, говоря по правде, они проживали от силы половину предполагаемого жизненного срока. Но до той поры только феодальные сеньоры присягали королю. Карл призвал всех своих подданных быть верными и преданными ему одному. Если они отказывались, а это происходило довольно часто, то становились предателями. Последствия подобных поступков не были для подданных столь очевидны.

Безрассудные поступки Карла приводили к самым неожиданным результатам. Достаточно сказать, что наиболее серьезно относились к новой присяге не кто-нибудь, а жители

мятежного юга, аквитанцы. Возможно, старые враги обдумывали вопрос о присяге на верность усерднее, чем родной народ – франки, бургунды, швабы и прочие; возможно, они разглядели привлекательные черты в сумасбродном Кёрге; более вероятным представляется то, что аквитанцы хорошо запомнили восемь опустошительных военных походов Пипина Короткого. Во всяком случае, вчерашние непостоянные галлы-римляне – будущие гасконцы и жители Прованса – принесли присягу на верность и воздерживались от заговоров против Карла, чего нельзя было сказать о его родном народе и членах его семьи.

Между тем весной 772 года, освободившись от опеки матери и разворошив осиное гнездо в Италии, Карл приступил к управлению Франкским государством. И начал он с того, что женился на Хильдегарде и отправился покорять язычников-саксов по ту сторону границы на Рейне.

Хильдегарда обладала всем, чем должна была обладать воспитанная должным образом девица. Она умела ткать и занималась этим с охотой, содержала в порядке имущество Карла, следила за тем, чтобы на вертелах хватало мяса зимой и в голодное время, сама для себя ткала простую и аккуратную одежду – не эфемерные шелка иностранной принцессы – и быстро беременела. Кроме того, будучи юной и нежной, она была добра к маленькому Пипину. Где бы Кёрл ни устраивал свой дом, его окружало семейное счастье, и он становился бодр и весел. Соответственно Карл ждал от своей супруги, что та будет сопровождать его во всех путешествиях, и она оправдывала его ожидания.

Но в то первое лето Хильдегарда не отправилась в Саксонию. Даже Карл не рискнул привезти свою жену в эту дикую страну лесов, болот и горных кряжей, где его ждала ненависть язычников. Состоящие в родстве с германскими франками, но более дикие, племена саксов ни за что на свете не стали бы жить с ними в мире, как, впрочем, и франки с саксами. Корни этой непрекращавшейся вражды лежали в приверженности саксов старым богам, которых окрещенные франки в то время считали дьявольским отродьем.

Существовала еще одна причина стойкой враждебности, которая была выше понимания Карла. «Страна саксов» протянулась от угрюмых вершин Гарца до побережья Балтийского моря. Защищая свою землю от воинственного Карла Молота, саксы сражались за родину. В ответ агрессивные франки сжигали деревни, уводили домашний скот, забирали зерно собранного урожая, обращали пленников в рабов, но дальше речной долины они не продвинулись. Расчетливый Пипин Короткий последние 15 лет саксов не трогал.

Принято утверждать, что новоиспеченный король Карл в тот месяц – июль – повел своих неугомонных дворян в обычный предупредительный набег с тем, чтобы не затевать рискованной авантюры в другом месте. Подобные налеты для «мщения и наказания» – как любили утверждать хроники – были обычным делом. Возможно, Карлу приходили на ум похожие мысли, но до сих пор он не составлял четкого плана и, вероятнее всего, просто хотел мстить язычникам за то, что те сожгли церковь на границе.

Однако неслучайным было то, что он добился необычайного и впечатляющего успеха. В свое время во всех хрониках Франкского государства отмечался год, когда «был доставлен орган». А нынешнее лето хронисты описывали как лето, когда Карл «свергнул Ирминсула».

Перейдя через Рейн, свежеиспеченный монарх повел своих всадников и пеших лучников вдоль по рекам. На открытых пространствах они запасались зерном и свиньями, а в лесу удваивали бдительность, опасаясь засад. Саксы научились строить и применять на деле боевые машины римлян. Карл выбил их с вершины холма, окруженного бревенчатыми стенами, и занялся поисками убежища Ирминсула, которое находилось под защитой этого форта.

Тропа вдоль ручья привела франков к укромной долине с большой рощей деревьев, похожей на колоннаду. В этой роще саксы устроили свое святилище, где совершались жертвоприношения и произносились заклинания. Теперь это место пустовало. Обитатели Рейнской области с любопытством обследовали святыню. Закаленные в боях ветераны, вроде

Керольда, осматривались в поисках признаков засады. Их действия были не лишены смысла, потому что именно в этой роще, в самой ее середине, в тишине высился Ирминсул, священное дерево саксов.

Во всем этом было нечто неземное – безмолвная роща и гигантский ствол с вырезанной на нем безглазой головой. Карл внимательно рассматривал святыню, пока его подданные обшаривали хижину жрецов в поисках сокровищ. Но их улов оказался весьма невелик.

– Срубить его, – приказал Карл.

Топорам пришлось долго работать, прежде чем рухнуло гигантское дерево и в его обломках засверкало золото и серебро монет и посуды. Все эти ценности лесные жители прятали в своей святыне. Клад оказался очень богатым.

Смеясь, Карл сказал, что они получили свою награду за свержение Ирминсула. Добычу он тотчас разделил между своими спутниками, оставив себе только серебряный кубок для подарка Хильдегарде. На ножке кубка было выгравировано грубое изображение Ирминсула, и Карлу захотелось подарить его жене в память о своей победе. Он отомстил за сожженную франкскую церковь.

В конце лета наступила засуха, и лесные ручьи и речушки превратились в грязные канавы. Карл отдал приказ своему маленькому войску возвращаться к Рейну. На обратном пути, когда люди и лошади изнывали от жажды, на них обрушились проливные дожди.

Находившиеся в войске священники объявили, что в этой глуши драгоценная влага была ниспослана самим Господом Богом. Для благополучия Ирминсула они милостиво добавили, что это могло быть просто чудо.

Карл про себя подумал, что это был необычный летний поход. С первым снегом онпустил свое войско по домам. Сам он присоединился к Хильдегарде в покоях виллы Теодо (Тионвилль). С Рождества и до Пасхи, когда заканчивалось весеннее таяние снегов, франки зимовали в безделье в своих жилищах, потому что снег заметал все пути и дороги. Точно так же и Карл пребывал в покое и довольстве у пылающего очага рядом с женой, когда внезапно в вихре снежной метели возник человек по имени Петр. Он проделал весь путь от стен Рима до земли франков, путешествуя морем, потому что не мог иначе. Не зимняя непогода, а враждебность лангобардов закрывала для Петра альпийские перевалы.

– Потому что под покровительством короля Дезидерия сейчас находятся вдова брата вашего величества и два ее несовершеннолетних сына, – рассказывал Петр. – Король лангобардов захватил города святого Петра, окружавшие Рим, и угрожает овладеть самим Римом, заявляя, что станет его владыкой.

Пока Карл находился в саксонских лесах, лангобарды без дела не сидели. Да и все бедствия, обрушившиеся на Рим и папу, происходили вдалеке от дворца Карла. И тем не менее они тесно переплетались с его жизнью: клятва Пипина – бегство Герберги – его собственное двадцатилетнее путешествие в снежной круговерти, предпринятое им, чтобы встретить пожилого Стефана, – Карл ощущал эту неразрывную связь с прошлым. Как и предупредил его Фулрад, все это имело большое значение.

Однако к тому времени церковь Святого Петра возглавил новый папа римский – Адриан. Карл ничего о нем не знал, кроме того, что рассказал Петр, как папа бросил вызов Дезидерию, заявив, что не станет встречаться с лангобардом как с равным и не сдаст ему Рим.

Петр умолчал о том, что Адриан сначала взывал к разуму лангобардов, а затем тщетно искал помощи у императора в далеком Константинополе и только после этого с отчаяния обратился к дикому франку.

Сидя у очага, Карл обдумал все услышанное. После чего разослал по всем дорогам гонцов с королевским приказом явиться всем сеньорам в день «майского поля» с оружием, людьми и фуражом для предстоящего похода в Альпы.

Он был уверен, что мало кому из них это понравится.

Глава 3

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ

Славный король Карл повел свою армию к Женеве. Там он разделил войско и с одной его частью отправился в Альпы.

Так рассказывали позднейшие хроники. На словах все очень просто. Нам представляется строй великолепных рыцарей в полном боевом вооружении, следующих за величественным Шарлеманем в переходе через Альпы. Однако в действительности неопытный и лишенный всякого величия Карл поставил перед собой в высшей степени трудную задачу.

У него не было надежной армии. По требованию Карла к нему присоединились от силы 3000–4000 человек, в основном восточных франков, алеманнов, бургундов. (Это были люди суеверные, и они не любили, когда называли их точное число.) Вооружение их состояло из легких копий, длинных мечей и коротких ножей. Кроме того, у них имелись новые тяжелые остроконечные стальные щиты. Они носили поверх кожаных рубах кольчуги из металлических бляшек или колец, а головы защищали стальными шлемами. Эти франкские воины не были, как заметил Бернард, прирожденными наездниками; сесть на коней их вынудили более искусные в этом готы и арабы. Из таких бойцов формировали взводы – турмы и отделения – скары, и выполняли они приказы только своих командиров, а те, в свою очередь, подчинялись Карлу по своему усмотрению. Трубили сигнал к атаке, и эти вояки с безумной отвагой бросались вперед очертя голову. Впрочем, так же стремительно они бежали с поля боя.

Пехотинцы – крестьяне, державшие в руках круглые деревянные щиты, выкрашенные в голубой или красный цвет, носившие обитые железом шапки и вооруженные луками из тиса по образцу византийских, – прибыли с маленьких ферм. (Пипин Короткий одно время пытался заставить своих всадников использовать такие луки в бою, как это делали умелые византийские катафракты⁹, но безуспешно.) Возницы, слуги, юноши, ищущие приключений, и отряд личной охраны Карла составляли остальную часть этой крайне недисциплинированной армии франков.

Рекрутов, собравшихся после дня «майского поля», исключая тех воинов, которые наивысшую доблесть видели в бою, ждали дома на фермах к сбору урожая. Если не считать недавнего набега на саксов, армия не покидала пределов королевства в течение 17 лет. Даже ветераны привыкли заниматься набегами и грабежом на границе и предпочитали это занятие участию в настоящих сражениях. Пипин Короткий давно понял, а Карлу только предстояло это осознать, что на некогда грозное войско франков нельзя положиться в кровавой битве. Доблестные воины Дагоберта стали мирными фермерами и в первую очередь заботились о своих семьях и полях.

Вот таких бойцов удалось собрать Карлу с помощью убеждения, опираясь на традиционную верность королю. Им предстоял поход через горы и сражение с более умными и знающими врагами, чьи базы располагались в крупных городах, защищенных массивными римскими стенами. В оценке возможностей своей армии Карл полагался на советы Бернарда и собственную дальновидность. Еще до мобилизации он отправил трех деревенских послов в страну лангобардов с целью удостовериться в том, что Петр рассказал правду о создавшемся положении, и попробовать, не начиная войны, заключить мир с лангобардским королем.

Последние рекруты прибыли с нижнего течения Рейна на соединение с войском Карла на берегу Женевского озера. Перед шатром, в котором Карл устроил Хильдегарду, развева-

⁹ Катафракты – македонская конница.

лось два штандарта – один с древним изображением дракона, другой с новейшим христианским крестом. Летом тающие снега превратили высокогорные альпийские луга в цветущий рай, и армия могла удовлетворить свои нужды в воде, еде и фураже.

Туда, к Женевскому озеру, вернулись его послы.

– Ни наши молитвы, ни подарки от Карла, – докладывали они, – не помогли переубедить свирепого лангобардского короля.

Для Карла это было поводом к войне. Он созвал на совет свою знать – коннетабля («начальника конюшен»), сенешаля («старшего слугу», ведавшего снабжением), паладинов, или офицеров дворцовой охраны, герцогов, или военачальников, графов, или управляющих провинциями, и епископов, которые объясняли волю Господа, а это имело в глазах Карла большое значение. Большинство собравшихся не одобряли его политики, совпадавшей с политикой Пипина Короткого, в основе которой лежала война с лангобардами ради спасения Рима. Карл чувствовал ответственность за храм Святого Петра, перешедшую к нему по наследству от его отца Пипина. Своим вассальным сеньорам он объяснил, что предложил справедливые условия и преподнес богатые подарки Дезидерию, но получил отказ. Карл собирался всю армию подчинить своей воле.

Большинство бойцов Карла из крестьян смутно верили в то, что благословенный Петр жив и осажден в Риме.

Итак, Карл добился своего. Несмотря на немногочисленность армии, ее необходимо было разделить, чтобы перейти через узкие альпийские перевалы, где не хватало пастбищ. Хильдегарда вместе с горбатым мальчиком оставались в Женеве. Бернард со слабейшей частью войска двинулся в сторону перевала горы Йов (Большой Сен-Бернар). Лучших воинов Карл повел в обход горы Ценис, туда, где остроконечные горные пики упирались в небо. Быки с трудом тащили через перевал обитые кожей фургоны с зерном, свининой и бочонками с вином. Ношу ослов и мулов составляли части разборных лодок, предназначавшихся для переправ через реки, поскольку, связанные вместе, они превращались в мост. Мясо для армии живьем карабкалось вверх.

В пути Карл потребовал песню. Толкая тяжелые фургоны, все в поту, мужчины запели: «Поверни голову... и снова смотри вперед... Эта дорога приведет нас обратно... на родину».

Похоже было, что удача сопутствовала Карлу, потому что на горных вершинах не было видно никаких признаков врага. С громкими песнями колонна стала спускаться в узкое ущелье, и тут люди обнаружили, что проход загорожен каменной цементированной стеной. На стене были установлены боевые машины, а из-за парапета выглядывали головы врагов. Штурм укрепления не увенчался успехом.

После поражения атакующего отряда Карл показал себя плохим вождем. Он предложил перемирие, отправил послов к лангобардам, предлагая 14 000 серебряных монет за выдачу заложников и заключение мира. В ответ Карл получил отказ.

Оказалось, что Дезидерий, разбивший свой лагерь в долине на выходе из ущелья, настоящий горец и, как и сам Карл, выходец из крестьян. Но он оказался более искушенным в обсуждении условий. Переговоры зашли в тупик, и сеньоры в своих шатрах ворчали, что запасы продовольствия подходят к концу, а дорога перекрыта. И тут грозный Арнульфing допустил ошибку. Вместо того чтобы заставить сеньоров встряхнуться, Карл принялся уговаривать их не покидать его. Однако делегаты от сеньоров напомнили королю, что лето на исходе и можно не успеть вернуться домой к сбору урожая.

Судя по всему, франкский король потерял всякую надежду на продолжение войны, и в этот момент к нему в шатер явились опытные командиры от старого графа Тьери. Они объяснили, что если проход через ущелье закрыт, то можно попытаться найти обходной путь. Карл разрешил им взять отряд всадников и попробовать пробиться через горы.

Успех превзошел все ожидания. Керольд с товарищами решил, что Карл родился под счастливой звездой Арнульфинга. (И даже серьезные военные исследователи, включая Наполеона Бонапарта, наперебой отдавали дань восхищения гению Шарлеманя, проявившемуся в том, что он разделил свое войско и взял штурмом перевалы.)

Что произошло на самом деле, осталось неясным. Но когда в горах с фланга появился отряд франков, лангобардов охватила паника и они обратились в бегство. Паника подобна эпидемии чумы. Спасшийся гарнизон заразил страхом весь королевский лагерь лангобардов. Франки перешли укрепленную стену, лавиной обрушились в долину и знатно поживились в опустевшем лагере. Их копья и мечи смели лангобардов с горных склонов.

– Таким образом великий король Карл, – рассказывали хроники, – благодаря воле Господа отыскал путь в Италию, открытый ему и его соратникам. Оставив свою долину, Бернард со своим отрядом присоединился к преследованию, устремившись вниз по течению реки По к стенам Павии – «Дворца».

В этом ущелье под горой Ценис сильный Арнульфинг получал незабываемый урок – действия нескольких верных, преданных людей могут принести победу, вопреки всем вражеским армиям и стихийным бедствиям.

Очень скоро он воплотил этот урок на практике. В сентябре 773 года армия франков встала лагерем у стен Павии, тогда как Дезидерий вместе со своей семьей и двором укрылся в самом городе. У франков не было осадных машин, чтобы проникнуть сквозь высокие стены с башнями, омываемые с одной стороны глубокой рекой. Однако было время урожая, и солдаты могли собирать фрукты и овощи в плодородной долине реки По.

Поскольку здесь ему ничего не светило в ближайшем будущем, Карл, понимая, что осада может затянуться на долгие месяцы, решил вместе с частью армии – передовым отрядом конных воинов, на которых он мог во всем положиться, – попытать счастья в другом месте.

Намеренно или нет, но он отказался от военной стратегии, чтобы затеять борьбу личностей между варваром франком и более цивилизованным лангобардом.

Когда-то ломбарды – лонгберды¹⁰, или лангобарды, – были самыми гордыми, если не самыми могущественными кочующими германцами, которые, пользуясь своей силой, осели в пределах Римской империи. Их вытеснили в Италию более свирепые авары. После этого в течение двух столетий они вели племенную жизнь, придерживаясь своего языка и обычаев. Затем они переселились в города.

И только за последние два поколения лонгберды отказались от племенных группировок и обычаев и перешли на латинский язык, принятый в этой стране. Дезире, прибыв в страну франков, очутилась в положении городского жителя, попавшего к диким племенам. Странно, но, приобщившись наконец к городской жизни и породнившись с местными жителями, лангобардские владыки требовали, чтобы те носили, как и лангобарды, штаны и мантии и отращивали бороды и длинные волосы на лбу, а затылки брили. Их гордость обернулась чванством, а свирепость – коварством.

И тем не менее самый решительный из их королей, Лютпранд, добивался объединения всех итальянских территорий (от островов Венеции до солнечного Беневента) под единоличной властью лангобардов. Даже лукавый Дезидерий, когда годом раньше стучал в ворота Рима, собиравшись, похоже, завладеть всей Италией, как это сделал до него великий гот Теодорих.

В этом стремлении ему противостоял только папа римский Адриан, который, не поддавшись Дезидерию, запер двери собора Святого Петра и закрыл городские ворота. Глава церкви Адриан помнил о временах исчезнувшей Римской империи и славе его полуразру-

¹⁰ Лонгберды, Longbeards (англ.) – длиннобородые.

шенного города и был твердо убежден, что первосвященник храма Святого Петра никогда не должен подчиняться земным монархам. Жест Адриана был продиктован скорее силой духа, нежели силой оружия, потому что у него под рукой были только своевольные городские стражники. (В это время Карл предпринял поход на Женеvu, и Дезидерий отправился вместе с сыном на север к горным перевалам.)

Внушительным было правление Дезидерия. Такими же внушительными представлялись франкам города Ломбардии – никто не считал всю Италию Ломбардией. Но его правление таило в себе слабость. Богатейшие города вроде Беневента, Сполето или Фриуля (Форум Юлия) были захвачены гаштальдами, которых больше заботило процветание собственных владений, и они упорно сопротивлялись любой централизованной власти. Все это очень скоро стало известно Карлу.

И хотя он сомневался после горы Ценис в способности своей армии прокладывать дорогу в сражениях, все-таки не позволял верноподданным прохлаждаться в своих палатках. Более того, залитая солнцем долина реки По с серыми замками и базиликами, окруженными виноградниками и фруктовыми садами, возбуждала этого беспокойного бродягу. Он вспоминал свои непроходимые леса.

Ведь здесь мощные дороги пересекали водные потоки по каменным мостам, а нищие собирали своих вшей на мозаичных полах римских бань! Никогда прежде не доводилось ему лицезреть чудеса городской жизни.

Не желая ждать в осаде у стен Павии, как того требовала тактика, он оставил Бернарда вместе с другими паладинами, а сам с отрядом отборных конных воинов отправился в безрассудное путешествие вдоль реки По. С этими закаленными солдатами Карл добился успеха в Гаскони и на перевале горы Ценис.

Скачка увлекла его далеко, до самой Вероны, где 48 башен венчали стену, окружавшую вершину холма. Неизвестно как, но Карл взял эту крепость и вошел в древний форум, который подпирали храмы забытых римских богов. Из Вероны спасся бегством сын Дезидерия. Но Карл захватил беглянку Гербергу с детьми и изгнанника сеньора Окера. Заложников, наследников своего брата, он держал при себе.

– Ты далеко забрался, – заметил он непокорному Океру, – чтобы найти себе убежище.

В тот вечер во дворце Карл посадил дрожащую Гербергу за свой стол. Собственно-ручно он наливал ей вино. Она постоянно искала взглядом своих детей. Поэтому, чтобы успокоить Гербергу, Карл приказал расстелить на соломе покрывало, и она могла наблюдать за спящими детьми. Похоже, он считал их теперь частью своей семьи.

По всем дорогам разнеслась молва о том, что победоносный франк вместо того, чтобы казнить пленников, веселился с ними за праздничным столом. Знатные дворяне в лангобардских городах в разных местах вспомнили, что он предлагал подарки и честный мир лангобардскому королю перед тем, как явиться с обнаженным мечом. Они решили сидеть тихо за своими стенами и ждать, что будет дальше. А дальше произошло то, что Карл галопом проскакал через всю Ломбардию, захватывая по пути города.

И мощь его нашествия навсегда врезалась в память людей. Три поколения спустя монах обители святого Галла записал легенду о походе Карла со слов старого солдата Адальберта, воевавшего вместе с сыновьями Керольда.

«Случилось так, что один из доблестнейших дворян по имени Откер (Окер) бежал и искал спасения у Дезидерия. Когда эти двое узнали о приближении грозного Карла, они заперлись в высокой башне, чтобы издали наблюдать за всяким, кто приблизится к стене. Когда появились обозные фургоны, мчавшиеся быстрее колесниц Дария¹¹, Дезидерий поинтересовался у Окера: «Это не передовой ли отряд Карла?» На что Окер ответил: «Еще рано».

¹¹ Дарий – персидский царь.

Когда они увидели надвигающуюся массу войска, Дезидерий крикнул Океру: «Но сейчас-то наверняка Карл среди них?» И Окер опять ответил: «Еще рано, еще рано».

После этого они увидели епископов и священников, и Окер, весь дрожа, ответил: «Когда ты увидишь, что эти поля взрастили урожай из сверкающей стали, а воды этой реки начнут биться в наши стены с железным грохотом, тогда ты поймешь, что Карл рядом».

Едва он произнес эти слова, как черная туча затмила сияние яркого дня. Оружие сверкало, как пламя в ночи. И предстал перед ними грозный Карл, увенчанный шлемом и закованный в стальные латы. В левой руке он держал стальное копье. Все, кто шел рядом с ним или следовал за ним, заполнили поля своей мощью, и в реке уже не было видно воды, блески только стальные латы. Затряслись каменные стены, и жители города в ужасе закричали: «Это воины! Горе нам!»

И тогда правдивый Окер, окинув все это быстрым взглядом, обратился к Дезидерию: «Вот идет Карл, которого ты так хотел видеть».

Так повествовала легенда о силе и мощи короля. В действительности же настоящий Карл не мог штурмовать стены Павии. Походила к концу зима. Раздосадованный, он послал за Хильдегардой и двумя сыновьями, чтобы те скрасили его одиночество. Вместе с таянием снегов его семья прибыла из-под горы Ценис, и Карл радовался своей победе в обществе родных и друзей. Потому что вне стен города в открытом поле не оставалось никого, кто мог бы сразиться с ним.

Затем Карл вновь отправился в путь, забрав с собой свою семью, светскую и церковную знать, приказав всем облачиться в парадные одежды. Они отпразднуют Пасху, сказал он, как паломники в самом Риме.

Устремившись в Священный город, Карл начисто забыл предупредить папу римского Адриана о своем прибытии. Но он не позабыл взять с собой отряд отборных конников в полном вооружении.

Очень весело кавалькада Карла пересекла холмы Тосканы и спустилась в Романскую долину, где по болотам тянулись каменные акведуки, скучные и неживые. На последней ночной стоянке Карл позаботился о том, чтобы его дворяне надели все свои регалии. Сам он опоясался мечом с рукояткой из чистого золота. Супруга Карла потчевала его вкусной итальянской едой. Он помнил о том, что носил титул «римского патриция».

— Дорогие и доблестные мои собратья, — предупредил Карл своих дворян, — я отвергну каждого из нас, кто напьется в этот праздник.

— Даю слово, — поклялся граф Уорин, — вашему величеству, что все франки простоят смиренно и с достоинством, как подобает истинным паломникам, и никто из них не рухнет пьяный как свинья.

Как настоящий церемониймейстер, Карл выставил позади себя в полном составе свою свиту и церковников, трубачей и знаменосцев со штандартами с изображениями дракона и креста. Не будучи уверенным в собственном величии, он предпочел подстраховаться чужой пышностью и великолепием.

И потом, на Клодиевой дороге, в какой-то деревушке вдоль обочины стояли толпы народа, приветствуя Карла. Римские воины потрясали своими копьями, церковные прислужники размахивали пальмовыми ветвями, и хор мальчиков пел: «Дорогу королевскому штандарту...»

Бок о бок с ним ехали церковники с флагами. При виде такой пышности и великолепия сердце Карла распирало от гордости. Спешившись с лошади, он продолжил свой путь пешком. Никогда прежде ни один франкский король не обозревал Священный город в пределах его стен.

Карл продолжал неторопливо ехать дальше и внимательно следил за тем, чтобы его подчиненные сохраняли строй и порядок. В этот момент его тихо отвлекли в сторону.

– Это триумфальное шествие, – объяснили ему, – и не будет ли ваша милость, король франков, следовать ему – этому древнему пути победоносных цезарей?

Таким способом его отвлекли от собора Святого Петра. Счастливый, Карл продолжал шествовать, и в его ушах звучали гимны, слагаемые в его честь, и звучали они куда приятнее заунывных рулад франкских монахов.

Адриан решил не пускать его в город.

Если верить его биографу, Адриан при получении известия о прибытии Карла удивился. На самом деле папа римский был просто потрясен.

Адриан был знатного рода, обладал выдержкой, силой воли и мало походил на своих предшественников. Будучи опытным и сильным политиком, он предотвратил зловещий заговор в Риме, в одиночку противостоял козням Дезидерия и в то же время мечтал о восстановлении своего пришедшего в упадок города. Адриан был редким человеком – дипломатом с очень сильным характером.

Проблема, с которой он столкнулся, казалась абсолютно неразрешимой. Отрезанный от восточного владыки в Константинополе, этот священник, по традиции унаследовавший престол Святого Петра, волею случая стал единоличным правителем буйного и нищего Рима, города, которым управляли его знаменитые предшественники. Этот город с трудом обеспечивал себя едой и деньгами, еле-еле выкачивая их из соседних княжеств. Адриан сам оставался последним осколком Римской империи. В качестве такового он существовал благодаря долготерпению лангобардов, которые, на худой конец, были все-таки более утонченными и серьезными, чем другие варварские короли. Чтобы поддержать свой разваливающийся город, Адриан нуждался в более обширной территории, на которую он претендовал как на церковную собственность храма Святого Петра. И эту территорию не могли захватить ни жадный Дезидерий, ни далекий император в Константинополе, ни буйная местная знать. Поэтому в полном отчаянии Адриан собирался защищать стены Рима с помощью попов, городских стражников и паломников. И в этот момент Карл со своим войском перешел Альпы и снял угрозу со стороны лангобардов.

Но этим дело не закончилось. Захват Карлом Вероны вынудил южных лангобардских герцогов пойти на примирение с самим папой Адрианом. Со всех концов Италии, из Беневента, Сполето и других городов они поспешили в собор Святого Петра, чтобы там сбрить бороды и остричь волосы и присягнуть на верность папе римскому. Эти дворяне неожиданно явились в Рим в качестве преданных и покорных паломников, и Адриан уже обозревал ту местность, которой собирался владеть, как вдруг неожиданно свалился этот дикарь франк.

Будучи образованным человеком, хоть и плохо разбирающимся в латыни, Адриан мог бы вспомнить знаменитую басню сирийского раба Эзопа о лягушках, променявших цаплю на аиста. С приближением Дезидерия он намеревался защищать свой город всеми силами, но осторожно, поскольку не знал, на что тот способен. В соответствии с этим Адриан призвал своих стражей и охранников для того, чтобы они благополучно препроводили грозных франков за пределы площади Нерона.

Итак, с рассветом Адриан с беспокойством ожидал нашествия франкского войска. И туда ворвался Карл, блистая золотом рукояти меча и браслета. С трудом неся груз своего тела, Адриан опустился на колени и помолился. Карл поцеловал руку, которую ему протянул Адриан, и произнес:

– Благословен будет тот, кто выступает от имени Господа.

Карл сиял от счастья, слушая пение монахов. Он испытывал такие чувства, словно его ввели в пышный и роскошный храм. Сжимая руку Адриана, король франков прошел через атриум и, войдя в церковный неф, прошел прямо к алтарю, где горело 100 свечей. Никогда в жизни Карлу не представлялось такое зрелище.

Он застенчиво произнес молитву на исповеди, украдкой бросив взгляд на Хильдегарду и стоявшего поодаль Пипина. Адриан слышал голос Карла, излагавший то, как он рубил головы своих врагов и верой и правдой служил святому Петру. Интересно, чем он собирался заняться в Риме?

Карл пробормотал, что хотел бы за четыре дня Пасхи осмотреть гробницы, а потом уехать. Адриан не был готов в это поверить. Он вел себя с Карлом как добрый хозяин с непрошеным гостем.

Откровенно он попросил Карла поклясться ему в верности и заключить с ним мир и дружбу. После этого Карл приказал всем своим дворянам сделать то же самое. Адриан был удовлетворен, но продолжал держаться стороны грозного франка.

– Веселый у тебя вышел поход, – произнес он, прощаясь у ворот.

Карл не возражал против того, чтобы спать на свежем воздухе на площади Нерона. Все пасхальное воскресенье огромный франк ходил как оглушенный. Римские судьи и знатные дворяне, собравшиеся вместе в церкви Святой Марии Маджори, а также толпа народа восторженными криками приветствовали Карла. Он входил не просто в Священный город, а в могущественную метрополию всего мира, где паломники из Африки и острова Британии, расталкивая друг друга локтями, пробивали себе дорогу к храмам, сверялись со списком «чудес», которые необходимо посетить, и покупали крошечные крестики, а иногда церковные мощи везде, где только могли. Карла охватило нестерпимое желание привезти мощи святого Павла и даже святого Петра к алтарям святых Мартина и Дени. Когда же Адриан показал Карлу внутреннее помещение, заполненное книгами, лежавшими на полках, король закричал в изумлении и стал упрашивать разрешения взять с собой на родину несколько этих священных символов, так роскошно переписанных и раскрашенных.

В течение трех дней Адриан размышлял над загадкой этого человека с нетерпеливым умом мальчика, который мог стать либо властителем, либо защитником Рима. В Карле он ощущал железную волю и характер, готовый взять на себя ответственность. У франка была привычка поднимать своего калеку сына, чтобы показать мальчику все, что ему нравилось. Впоследствии Адриан всегда интересовался, совершит ли Карл какое-либо действие, если мог бы этого никогда не делать; папа попросил скорее защиты от врагов, нежели помощи самому себе.

Наблюдательный Адриан вплотную приблизился к разгадке тайны личности Карла. Но эту тайну грозный варвар хранил глубоко в себе, потому что происходила она от мучившего его и тщательно подавляемого страха. А страх для Карла был вещью крайне постыдной, и он всячески боролся с тем, чтобы этот страх как-то обнаружить.

Адриан молча удивлялся тому, как Карл любил места священного поклонения – темницу, где был заключен Петр, камни апостольской исповедальни, золотые ковчеги для мощей. Ни один из обычных паломников не испытывал желания взять с собой каменный обломок. Кроме того, радость переполняла Карла, когда он втискивал свое массивное тело в крохотную исповедальню. Он веселился, чувствуя облегчение. Время от времени Адриан задавал себе вопрос, не пытается ли франк физически спастись от какого-то воображаемого преследования. Но это казалось невозможным.

После трехдневной мессы у Святого Петра за городскими стенами франки собрались уходить. Но прежде чем на четвертый день они смогли уйти, Адриан, понимая теперь, что Карл никогда не любил находиться вдали от своей семьи и вассалов, попросил франков снова встретиться у алтаря Святого Петра. И там спокойно он напомнил Карлу об обещании, которое его отец Пипин дал блаженной памяти Стефану на земле франков, – обещании передавать определенные города и земли святому Петру и его наместникам. В заключение он спросил Карла, собирается ли тот вместе со своими сеньорами выполнить его.

Карл с готовностью согласился. Разве он не пересек Альпы, чтобы исполнить эту самую клятву?

Потом секретарь Адриана по пунктам зачитал список даров Пипина. Карл не мог слишком хорошо поспевать за быстрой певучей латынью.

«...От острова Корсика... оттуда до горы Барда и Пармы... далее до Мантуи и горы Силицис вместе со всей... Равенной, как это было в старые времена, и провинции Венеции с Истрией... и весь Сполето и Беневент».

Большинство из этих названий было неизвестно Карлу. Он знал только дороги, по которым ходил в Италии. Он никогда в жизни не смотрел на карту. А соответственно и не мог осознать, что перечисленные области занимают две трети Италии.

Но, поняв, что именно этим Адриан хотел вознаградить себя, Карл охотно согласился. Очевидцы этого события утверждают, что Карл приказал своему капеллану сделать две копии и одну из них собственноручно вложил в Евангелие, находившееся рядом с мощами святого Петра, другую увез с собой.

Решительному папе римскому Адриану обещали больше, чем он сам рассчитывал получить.

Со своей стороны, Карл забрал с собой римского священника, чтобы тот научил местных святых отцов грамотно читать проповеди, и ученого доктора Петра Пизанского, чтобы он обучал короля грамматике и правописанию. Более того, Карл увез с собой страстное желание обладать библиотеками, основами цивилизации. Он неожиданно почувствовал в душе огромное облегчение от посещения римских храмов.

После этого его чаша счастья переполнилась. Хильдегарда подарила ему дочь, а в начале июня Павия сдалась под натиском голода и лишений. Дезидерий вышел вместе с семьей, чтобы отдаться на милость победителю. На поверку он оказался полным угрюмым маленьким человечком, смертельно боявшимся Карла, который при виде такой боязни от души расхохотался. Анза, жена Дезидерия, была очень привлекательной женщиной.

Вслед за своими воинами Карл въехал в городские ворота как победитель, восхищенно озирая длинные колоннады и теплые весенние бани этого города дворцов. Дезире, на которой он когда-то был женат, умерла, а Павия принадлежала ему. Настроенный добродушно, Карл разглядывал восстановленные сокровища и тут же приказывал раздать их целиком и полностью своим верным вассалам, так долго штурмовавшим стены города. Восхищенные солдаты громкими криками превозносили щедрость Карла и его удачу, которая принесла ему столько богатства при таких малых потерях. Отныне Карл стал именоваться «Карл, милостию Божией король франков, лангобардов и римский патриций».

Дезидерия и Анзу он под охраной отослал во Францию, где заставил принять постриг в монастыре Корби. На население Ломбардии король франков не наложил никакой дани, не заставил побежденных платить никаких податей и лично для себя не стал требовать земель или городов в качестве выкупа. Он был просто «королем лангобардов», а не властителем их страны. Сами же лангобарды могли жить по тем же законам, что и раньше.

После этого Карл стремительно отправился на родину. По пути, когда они преодолевали высоты ледника Роны, умер ребенок Хильдегарды.

Знатным лангобардам, брошенным их повелителем, подобное беззаботное милосердие казалось немыслимым. Один из них записал: «Король франков, который мог лишить нас всех наших владений, выказал милосердие и снисходительность».

Такого в Италии прежде не случалось.

В течение года мирная политика Карла вызвала восстание. Таким же сильным, как и ненависть саксов к своим родичам-франкам, был антагонизм униженных лангобардов по отношению к своим новым хозяевам. Освободившись от слабого Дезидерия, герцоги на севере страны объединились, чтобы взять власть в свои руки. В Риме обеспокоенный Адриан

узнал, что сын Дезидерия ведет из Константинополя флот. С приближающимся восстанием рухнули все предполагаемые законы.

Адриан, возлагавший столько надежд на Карла, вдруг обнаружил, что могущественный франк, занятый разборкой с саксами, не обращает никакого внимания на состояние дел в Италии. Глава церкви отправил Карлу красноречивое послание, называя его «великим и могучим королем», передавая привет жене и детям, – Адриан очень хорошо помнил о том, как Карл был привязан к своей семье. В письме папа римский предупреждал короля франков о грядущих беспорядках в Италии. На дорогах повсеместно шастали вооруженные банды. На севере Равенна требовала независимости, а Ротгад, герцог Фриуля, собирал армию.

Карл, занятый летом 775 года в Саксонии, на это письмо никак не отреагировал. Только пара епископов на тощих мулах прибыла из государства франков, чтобы посетить герцогства Сполето и Беневент и переговорить с местными властями.

– Будьте разумны и не торопитесь, – предупреждали эти безобидные святые отцы, – берегитесь Карла.

Они также послали на родину гонцов с сообщением, в котором изложили свое мнение о создавшейся ситуации.

– Что уж такого в этом короле франков, – поддразнивал Ротгад посланцев папы, – если римляне так в него верят!

Адриан послал бродячему Карлу письмо, полное горьких упреков. Никакого ответа, написанного ясным слогом Петра Пизанского, папа римский не получил. С наступлением зимы, когда снег закрыл для армии горные перевалы, Адриан потерял всякую надежду.

И вдруг после Рождества Карл прорвался через снежные заносы. Взяв только колонну отборных всадников, он смог преодолеть перевалы. На этот раз Карл не стал задерживаться у Павии, а пронесся вниз по реке и поднялся в восточные холмы, преодолевая яростное сопротивление реки. История рассказывает о том, как Ротгад сражался и бежал, чтобы погибнуть в горах от рук своих собственных людей, и как пал Тревизо, осажденный франками.

С Дезидерием король франков в свое время обошелся достаточно мягко; с восстанием он расправился стремительно и безжалостно, вешая вожаков, ссылая герцогов, конфискуя земли. Управлять на местах он поставил франкских графов, а на севере страны им в поддержку оставил сильный гарнизон. Себя Карл стал именовать королем лангобардов и при этом отнюдь не шутил. Даже в свое отсутствие он оставался их законным королем. Уроженцы Сполето и Беневента после переговоров с епископами Карла уклонились от участия в восстании.

Паломничество в Рим Карл совершать не стал. Когда он сделал остановку по дороге, чтобы отпраздновать Пасху, это было уже в горах по пути на родину. Домой Карл добрался в июле, как раз к сенокосу.

После этого будущее Италии находилось в равновесии между непредсказуемой волей Карла и целеустремленностью папы римского Адриана.

Физически сын Пипина не ощущал никакого страха. Его крепкое и массивное тело могло вынести любое суровое обращение, и раны оставляли на нем только шрамы. Силой своей воли он заставил в последнюю зиму 1000 человек последовать за ним через снежные вершины.

Его лесники рассказывали о том, как Карл на охоте встречался с зубрами. Эти гигантские дикие быки, размерами превосходящие львов, были королями зверей в Европе. Естественно, в своих рассказах охотники превозносили Карла как героя.

«Великий Карл, который терпеть не мог праздности или безделья, отправился поохотиться на зубров. Когда сопровождавшие его увидели этого громадного зверя, они в страхе бежали. Но бесстрашный Карл, верхом на горячем боевом коне, подъехал вплотную к зубрам и попытался пронзить шею одного из зверей своим мечом. Однако он промахнулся, и

чудовищный зверь ударом рога разорвал сапог и ножные обмотки великому королю, ранив его при этом в икру ноги, после чего Карл хромал до конца жизни. Затем зверь скрылся под защиту деревьев и скал. Многие из его слуг хотели предложить Карлу свои обмотки, но он им запретил, сказав: «Я так и поеду к Хильдегарде».

Затем Изамбард, сын Уорина, догнал зверя и пронзил его до самого сердца своим копьем между плечом и горлом. Слуги приволокли все еще теплое тело зверя к ногам великого короля.

Казалось, Карл не обратил никакого внимания на добычу, отдав зверя своим товарищам, а затем отправился домой. Там он показал свои разорванные обмотки королеве и спросил: «Какой награды заслуживает мужчина, уложивший того зверя, который сотворил такое со мной?» На это Хильдегарда ответила: «Он заслуживает высочайшей награды». Потом король велел принести рога зубра как доказательство его слов, и королева вздохнула и прижала руки к груди».

Из-за того что Хильдегарда так опасалась за его жизнь, Арнульфинг, недолюбливавший Изамбарда, наградил молодого дворянина фунтом серебра за его поступок и дружески обнял его.

Карл абсолютно не опасался за здоровье своего тела и после Вероны совершенно не боялся козней своих врагов. Другой страх все сильнее одолевал его мозг. Этот страх был ему знаком еще с детства в кругу любящей семьи; будучи старшим сыном и находясь в тени стареющего Пипина, он на какое-то время позабыл о своем страхе.

Но теперь, когда он оставался в одиночестве, если не считать легкомысленной Хильдегарды, этот страх начинал одолевать его независимо оттого, находился он в седле или на троне. Этот страх или ужас появлялся повсюду на родине короля как танец смерти, и только он один его чувствовал. И этот ужас постоянно предупреждал Карла о тех бедствиях, которые могут грозить его народу.

На рынке в Ингельхейме он повстречал хитрого полдука – продавца чудес – толстяка, одетого в рясу с капюшоном и рубашку из овечьей шерсти, предлагавшего за несколько пенсов средства из винограда для лечения водянки, черной рвоты и слепоты.

У Карла была привычка странствовать в одиночку. Он надевал на себя куртку из фризийской шерсти, и очень часто случалось, что его не принимали за короля. Как-то раз во время своих странствий Карл набрел на толпу из деревни, собравшуюся поглазеть на деревянный крест, предназначенный для распятия. Находившиеся там семьи вместе с детьми глазели на шваба, обвиненного в воровстве. Священники лили кипяток из котелка в бочонок, по высоте доходивший швабу до пояса. Потом они уронили в бочонок маленький булыжник и закатали рукав на правой руке обвиняемому, согласившемуся пройти испытание божьей милостью кипятком.

Когда толпа сгрудилась плотнее, чтобы разглядеть, сумеет ли шваб доказать свою невиновность, вытащив камень из кипятка, Карл протиснулся к бочонку. Если бы шваб потерпел неудачу с камнем, ему бы отсекали руку топором, и все желающие глазели бы на это. Карл, обладавший острым зрением, сразу заметил, что шваб не потел от волнения. Мужчина ждал, пока священник прочтет свою неразборчивую латынь, а потом вытянул вперед свою руку. Закричав, словно от боли, он вскинул руку, которую остриженный священник поймал и выхватил из нее камень.

– Невиновен! – крикнул священник.

Толпа взорвалась от удивления, а Карл нагнулся над бочонком, внимательно разглядывая лежавший на дне камень. Разгневанный этой насмешкой над судом, Карл схватил шваба и священника за шеи и окунул их в кипящую воду. С дикими криками они вырвались от него, а толпа, раскрыв рот, смотрела во все глаза.

И потом вновь король обнаружил свободных франков, трудившихся на церковной земле и добывавших скудный урожай ячменя. Несмотря на то что эти франки были рождены свободными людьми и имели право носить оружие, они избрали себе жребий пахать землю, выращивать урожай, кормить себя и уклоняться от более суровых обязанностей.

В этих людях он чувствовал угасание их древней тевтонской гордости; они предавались пьянству, неуклонно приближая тем самым свою смерть.

В час вечерней молитвы Карл спешил к придорожной церкви Сен-Реми, чтобы прочесть магнификат (величание Богородицы). Его спутники ожидали снаружи и прогуливались, разминая затекшие ноги и руки. Крыша провисала над темным алтарем, где шептались двое мужчин – по всей видимости, свободный землевладелец исповедовался дьякону, у которого ряса была натянута поверх охотничьих штанов. Пол был загажен испражнениями животных. Все это Арнульфинг воспринимал как само собой разумеющееся, но, произнося свою молитву, он слышал размеренный звон серебряных монет и считающий голос:

– ...четыре, за девушку пастуха, пять, за взвешенное дважды сало, шесть, за эту маленькую шутку над слабоумным мальчиком... – Исповедовавшийся снизил голос до слабого шепота и резко закончил: – Клянусь святыми мощами Реми, у меня только семь пенсов.

Карлу пришло в голову, что слову свободного франка больше не верят, если он при этом не клянется известными святынями. Потом он понял, что этот каявшийся грешник платил свои деньги во искупление собственных грехов. Многие верили, что слова пророка Даниила «Искупайте свои грехи пожертвованиями» означают, что надо платить деньги.

Да и откуда их неповоротливым мозгам понять значение этих слов? Священники, которые должны их наставлять, зачастую не умели даже читать.

Прожив некоторое время во дворце в Павии и послушав мудрого Адриана, Карл осознал собственное невежество и пьянство своего народа, жившего в плетеных и мазаных хижинах и бревенчатых церквях. На какое-то мгновение при виде чудес просторных римских церквей у короля поднялось настроение, словно после глотка хорошего вина. Он искренне поверил, что приобрел к чудодейственной силе. Но у себя на родине это чувство растаяло без следа. Он привез с собой святыне-реликвии. Но отличались ли они в этом диком лесу от других кусочков дерева в местных храмах? Могли ли они сотворить чудо среди франков?

Карл как раз размышлял над этим, когда встретился и побеседовал со Штурмом. Проезжая дорогой по правому берегу Рейна среди пограничных поселений, он обнаружил Штурма в еловом лесу. Тот рубил лапник для устройства засеки против отбившихся от стад зверей. Старый Штурм – ученик Бонифация и аббата Фульды в Саксонских холмах – по-прежнему путешествовал по стране пешком, как и в молодые годы, когда был миссионером. Даже узнав короля Карла, рослый аббат продолжал размахивать ножом и переплетать ветки. Не поблагодарив, он присел у костра, который развели спутники короля, и разделил с Карлом ужин, состоявший из мяса, хлеба и меда. Без комментариев Штурм выслушал жалобы короля на праздность, обжорство и расстройство в умах среди франков. И когда Карл ожидал его ответа, старый аббат очнулся от своих размышлений и сказал странную вещь:

– Сын мой, отошли своих охотников, слуг и охрану. Посиди у огня и сотвори свою вечернюю молитву.

– Мою молитву?

– Твою.

Карл надеялся получить мудрый совет от повидавшего виды человека, который путешествовал по диким местам вместе с проповедником Бонифацием. Штурм начал строить свой монастырь, Фульду, срубая деревья на вершине холма, готовя место для останков Бонифация.

Серые глаза Штурма смотрели из-под густых седых бровей сквозь дым на звезды.

– Час вечерней молитвы близок. Повелитель франков, разве не похожи эти высокие деревья на колонны нефа храма Господня? Ощущаешь ли ты в этом месте страх?

Карл нетерпеливо потребовал:

– Говори яснее, святой отец! Зачем ты позвал меня молиться в этот час?

Шишковатые пальцы аббата сжались на кушаке, которым он был подпоясан. Затем он встал и возвысил свой сильный бесстрастный голос:

– Если твой народ погружается в пучину невежества и блуда, ответственность за это несут их священники. Если священники в стране франков теряют разум и волю, это происходит оттого, что им противостоит страшная сила. – Он наставил палец на Карла: – Эта сила – ты. Твое слово – закон. Все эти люди ждут от тебя только одобрительного кивка или гневного взгляда. Твоя власть – страшная власть. Ты не можешь ни разделить ее, ни отказаться от нее. Значит, ты должен молиться о том, чтобы правильно ею пользоваться. Мой повелитель, ты заставил меня высказать мои мысли.

После этого они преклонили колени на горе веток, и Карл обдумал все, что сказал Штурм. Ему было нелегко понять подобные вещи. Он подумал о последнем законном короле франков, Меровинге, неповоротливом, толстом, трясущемся по разбитой дороге в традиционной повозке. Карл увидел его снова детскими глазами. Последний король, кем, в свою очередь, может стать кто-нибудь из сыновей Карла. Безмозглое существо, которого оторвали от любимых кухонных горшков. Вот чего боялся Карл.

Старый Штурм наклонился, чтобы подбросить сучьев в костер. Пока он наблюдал за гигантом Карлом, в его серых глазах появилось странное выражение.

– Сын мой, не надейся изменить человеческую натуру за одну ночь. Как часто я крестил моих саксонских дикарей – а на следующее утро они приносили в жертву козу или даже быка, чтобы умиловить своих старых лесных богов. И я радуюсь хотя бы тому, что они не проливают кровь человека.

Карл даже не подозревал, что священник на границе может быть таким терпимым. Когда Штурм готовился ко сну, он кивком показал на барьер из ветвей:

– Что касается животных, они уделяют больше внимания загородке вокруг костра, чем любой молитве.

Так старый Штурм советовал Карлу.

Хотя Карл и не мог разрешить свои страхи, Арнульфинг реагировал на них со свойственной ему энергией. Если ему необходимо учиться, даже в зрелом возрасте, он будет учиться. У своего нового наставника, Петра из Пизы, он старался научиться строить из набора бессмысленных слов ясные предложения. Старый лангобардский ученый читал ему мрачную поэму Вергилия, повествующую о падении Трои и о том, как Эней бежал из горящего города, унося с собой родовых богов.

– Что стало с его народом? – спросил Карл.

– Они были покорены. Для покоренного народа есть только одно средство уберечься, а именно – ни на что не надеяться.

Карла заинтересовал этот Эней, который за морем воспитал новый народ.

Иногда, когда боязнь собственной неспособности тяжело давила на Арнульфинга, он уезжал в леса без всякой дороги, направляясь в рощу, похожую на ту, в которой был Ирминсул, только меньше. Там в хижине жили несколько старых менестрелей, и Карл привозил им дары. Потом менестрели трогали струны арфы и воспевали героизм древних франков, когда те путешествовали по морю.

Такие древние сказания никогда не записывались Вергилием. Карл собирал их по крохам из памяти старых бардов. От них исходило сияние золотого века, когда сила была в руках героев, находившихся под защитой земных богов. В конце концов он вспоминал об Ирминсуле, которого он когда-то срубил.

В такие моменты он задавал себе вопрос, как Пипин собирался поступить с непокорным саксонским народом. До сих пор, если не считать путешествия в Рим на Пасху, Карл следовал идеям Пипина в большей степени, чем хотел себе в этом признаться. Зачаточное Франкское государство оставалось в том же виде и больше походило на личное владение короля. Королевский дворец, абсолютно не похожий на Павию, представлял собой просто большую усадьбу, в которой обитал Карл. Вместе с ним 11 паладинов, или придворных офицеров, составляли совет, решавший различные дела. В отсутствие Карла всем руководил дворцовый граф.

После пребывания в обители Святого Петра Карл осознавал всю дикость и первобытность своего правления. Его камергер занимался больше стадами и землями, чем королевским двором; его сенешаль распоряжался провиантом и фуражом во время похода, и оба постоянно советовались с Хильдегардой, которая внимательно следила за всеми прибавлениями в казну и вычетами из нее – подарками королю в дни праздников и ответными дарами; пошлинами за переход границ и мостов; возмещением ущерба королевским дворам, равно как и за королевской долей в добыче, захваченной у врага.

Хильдегарда неустанно заботилась об увеличении их богатства, особенно по части посевов и всяческой живности на домашних фермах. Карл втайне был убежден, что это приносит несчастье. Его аккуратная швабская жена была довольна, если в каждой усадьбе для своих нужд у них имелось вдосталь сыра, дичи, пива, холста, меда, зерна и сальных свечей.

– Со времени смерти твоего хранимого Господом отца, – замечала она с удовлетворением, – у нас в стране не было голода.

Карл не мог взять в толк, как это Божья защита выражается для нее в количестве мяса, которое дают стада скота, но, по-видимому, для нее все было просто и она не хотела никаких перемен к худшему.

Впервые за эти годы Карл отошел от политики Пипина. Он планировал подчинить саксов, этих ближайших и наиболее яростных противников, и изменить их вероломную языческую натуру путем обращения в истинную веру.

– Этот народ, находившийся под властью демонов со дня Сотворения мира, взойдет под благословенную сень Христа. – Его советники согласились с ним.

Благочестивые миссионеры, подобные Бонифацию, отваживались проповедовать среди язычников на другом берегу Рейна, и, как правило, те их убивали. Вооруженные отряды вторгались в дикие места, чтобы наказать убийц. Но прежде миссионеры никогда не путешествовали вместе с войском.

Это было в новинку – силой обращать в другую веру – и явилось причиной террора, длившегося 30 лет.

Что-то следовало предпринять. В этом не было никакого сомнения. Не успело войско франков в первый раз отправиться в Италию, как саксы на границе в отместку за низвержение Ирминсула разгромили и сожгли аббатство во Фрицларе, устроив при этом в самой церкви стойло для лошадей.

В течение той зимы на совете решили покончить с этой партизанской войной путем одновременного массированного вторжения, используя весь набор рекрутов среди верно-подданных франков. Они собирались воздвигнуть блокгаузы вдоль дорог в дикой местности, а внутри них построить церкви. (Франки занимались этим все лето 775 года, пока Адриан тщетно умолял Карла вернуться в Рим.)

Далеко в глубь языческих земель вторглись ожесточенные королевские воины, сжигая и истребляя все и всех при столкновении с неуловимым лесным народом. Они взяли штурмом две одинаковые крепости – Сигибург и Эресбург, прошли долину Ирминсула до реки Везер, сломив сопротивление врага на этом рубеже. Могущественные кланы вестфалов и остфалов почувствовали на себе тяжесть железных мечей. Франкские рыцари пересекли

долину Рура и увидели темную громаду Зунталя. Казалось, они рассеяли всех видимых врагов.

Потом по возвращении к Везеру один из отрядов Карла, занятый строительством поселения, попал в засаду и был разгромлен. В лесах по-прежнему скрывались сильные военные отряды саксов. Когда весть о побоище дошла до Карла, он собрал находившиеся под рукой войска, организовал преследование и обнаружил, что сопротивления нет и в помине. В селениях жители предлагали заложников и изъявляли покорность. (После этого Карл взял с собой лучших всадников и отправился в долгое зимнее путешествие в Италию.)

И в этот момент его настиг гонец с известием о том, что осаждены его крепости Сигибург и Эресбург. Карл поспешил с истоков Роны к Рейну и появился так внезапно со своими утомленными ветеранами, что лесной народ моментально рассеялся в непроходимых горах. Карл понял, и это ему дорого стоило, бесполезность вторжения туда, где нет городов с населением, которые можно захватить. Правда, ему не противостояла никакая армия, но он мог удерживать достаточно надежно не более двух пограничных фортов и, кроме того, дороги, ведущие в долину с большого Гессиянского плато.

Карл разжег молчаливое несгибаемое сопротивление всех саксов вплоть до неизведанной северной равнины и берегов Эльбы и Балтики.

Его миссионеры не могли восторжествовать над подобной враждебностью. Окруженные вооруженной охраной, они, запинаясь, проповедовали угрюмым заложникам и голодающим крестьянам. Карл винил миссионеров за тщетность их усилий. Он страстно желал, чтобы Бонифаций нес слова обращения в саксонскую землю. И тут он вспомнил о пожилом и сильном духом проповеднике с границы – аббате Штурме – и послал за ним.

– Скажи мне, – потребовал Штурм, – ты сражаешься с волками или пасешь овец?

Когда Карл не смог ответить на этот трудный вопрос, темный от загара священник из леса объяснил загадку. Саксы были расой воинов и в этом отношении схожи с волками. Применив к ним оружие, их можно убить, но нельзя переделать во что-то другое. Нет, чтобы изменить природу волков, следует зачехлить оружие и жить среди них, деля с ними пищу, а в остальном предоставить им свободу.

Услышав эти слова, нетерпеливый Арнульфинг рассердился:

– Сколько раз я предлагал мир этим предателям?

– Достаточно часто. Однако ты делал это после того, как наказывал их при помощи оружия.

– Иначе они не подчинятся.

Старый Штурм вытянул перед собой узловатые руки:

– Предложи им мир с открытым сердцем и щедрой рукой.

– Как?

– Ты же король Божьей волей. Это твоя задача – прийти к соглашению с этим заблудшим народом.

Требование Штурма выходило за рамки здравого смысла. Однако оно соответствовало опасениям Карла. Будучи дикарями и язычниками, саксы тем не менее сохранили веру в старых богов и доблесть предков. В большей степени, чем лангобарды и даже франки, они не утратили мужества своей расы.

Благодарение Господу, Карл именовался королем. Но Господь какого народа повелел ему править? Лангобардские пленники из Тревизо и с далеких восточных гор дали клятву служить ему и таким образом стали людьми Карла. Старый Петр, наставник короля, поспешно прибыл из Пизы. Хотя правил Карл на громадной территории, у него не было города, который он мог бы назвать своим домом. Вместо этого под его началом находились люди разных наций и наречий, присягнувшие ему на верность.

Из сплава раздумий Карла и настойчивости Штурма родилось новое предложение непокорным саксонским вождям. Король франков предложил им собраться по доброй воле, принять христианство и принести ему присягу на верность. Он объявил, что на их землях он построит не крепость, а новый город, в котором можно будет воздвигнуть новые церкви. За исключением того, что он станет их повелителем, саксы, как и прежде, будут придерживаться собственных законов и обычаев.

Местоположение нового города он выбрал сам за спорной границей между Сигибургом и Эресбургом у истоков реки Липпе. Там на скрещении диких троп простиралась орошаемая водой равнина, обещавшая хорошее купание и добрую охоту. Она походила на его любимую долину Аквис-Гранум, где он был не в состоянии побывать в последние годы. Долина оседлала богатую рыбой речку под названием Падра, и Карл соответственно окрестил свой новый город дружбы Падрабрюннен, или Падерборн. Первым зданием, отмеченным сваленными стволами, была церковь.

В 776 году архиепископ Адо в своей хронике записал: «Там, где возникает Липпе, он принял всех саксов с их женами и детьми. Окрещенные, они с верой присоединились к Карлу. В Падрабрюннене он устроил собрание, на котором присутствовали и саксы, и франки».

Это необычное собрание летом 777 года энергичный франк обставил с присущим ему инстинктом ко всякого рода зрелищам. Как и у ворот Рима, его окружали епископы в полном облачении и графы в пышных одеждах. Бородатые лангобарды гордо выступали вместе с чванливыми баварами. Аббат Штурм, приглашенный освятить бревенчатую церковь, окрестил прибывшие саксонские кланы скопом, гессиянов, вестфалов и остфалов, стоявших по пояс в воде. Боевые знамена с изображениями дракона и креста, побывавшие в победном итальянском походе, торжественно проносили мимо бивачных костров, и монахи Штурма, обученные римским хормейстером, нараспев тянули: «Дорогу королевскому штандарту».

Столы у костров ломились от мяса, вина, пива и меда; старый Штурм самозабвенно проповедовал слово Божье. С горящими глазами, сыпавший шутками и обещаниями, Карл кружил по этому лагерному сбору. Он был прирожденным оратором, умевшим зажечь слушателей. Его массивная фигура в кожаных охотничьих штанах и волчьих шкурах вклинивалась в буйные толпы веселившихся за пивом хорошо сложенных длинноволосых саксов. Он пил рог за рогом с их вождями и неожиданно вместе с ними воспевал героев, встретивших Вотана¹² в небесных чертогах Валгаллы¹³.

Его чаша радости переполнилась при появлении странной кавалькады. На горячих конях с высокими седлами легко и непринужденно гарцевали всадники в посеребренных кольчугах и белоснежных одеждах. Это были арабы, вельможи ислама, прибывшие из-за Пиренеев (из самой Испании) для заключения мира с королем франков.

Никакой мастер церемоний не смог бы с таким восторгом встретить новое зрелище, как это сделал Карл, приветствуя высоких гостей. Они не только являли собой явный и бесспорный знак его растущей власти, но вышедшим из леса саксам арабы представлялись вождями из какого-то другого мира. Карл позаботился о том, чтобы новообращенные саксы заметили его важное совещание с арабскими вельможами.

Таким образом Карл нашел ответ на поставленный Штурмом вопрос о том, как король может предложить мир. Очевидно, он одержал очередную победу без боя. Безусловно, он в это верил, и тем горше были последствия этой веры, причинившие ему горе и боль.

¹² Вотан – в древнегерманской мифологии верховное божество.

¹³ Валгалла (древнеисланд. «чертог убитых») – жилище павших в бою храбрых воинов.

Используя преимущество своих позднейших знаний, добросовестный Адо закончил свое повествование словами: «Витукинд и некоторые мятежные саксы отправились к норманнам, прося у них помощи против славного Карла».

Витукинд – его имя гремело по лесным дорогам во время последнего мятежа. Его не было ни на открытии церкви, ни на крещении, ни на присяге верности. Не имея власти над каким-либо кланом и не владея собственной землей, Витукинд оставался единственным вождем, которого все слушались, и он предупреждал, чтобы не позволяли франку ступить по ту сторону Рейна. Карл даже не подозревал, что именно Витукинд – главная пружина языческого сопротивления.

Лето 777 года имело множество благоприятных примет. Само число содержало комбинацию из счастливой цифры 7 – именно столько дней создавался мир – и такой же счастливой цифры 3 – Святая Троица. Хильдегарда родила ему еще одного здорового сына. Кроме того, он, несомненно, подружился с новообращенными упрямыми саксами. Однако на этом собрании друзей Карл в конечном счете обратил самого себя. Его переполнял готовый энтузиазм. Никто больше не называл его Кёрлом и не кривил губы в усмешке при упоминании об обстоятельствах его рождения; он стал королем на деле, а не только по имени. Образованные сарацинские вельможи не поленились отыскать его в глуши. Карл добился большего, чем сам Пипин. Он моментально подчинил себе Аквитанию и простер свою власть до папы римского Адриана.

В стране франков намечались перемены. Воспоминания о династии Меровингов, о нейстрийских и австразийских франках постепенно ветшали и покрывались пылью. Вместо них во весь рост поднималась фигура настоящего Арнульфинга. Он беспрестанно разъезжал взад-вперед. И всем, начиная с обитателей высокогорных постоянных дворов и заканчивая пастухами равнин, было хорошо знакомо обветренное лицо Карла. Он говорил с ними на их родном языке и спал на их сеновалах. Он оставлял дары у придорожных церквей. Соответственно со всех границ свободные люди стремились не столько обратиться к силе авторитета Карла, сколько увидеть его самого. Фриз с болотистых равнин, будучи остановлен дорожной стражей, говорил: «Я ищу короля Карла». А сакс объяснял: «Я человек Карла».

Это, в свою очередь, отражалось на энергичном Арнульфинге. Осознав слабость своих франков, он приветствовал новый союз. Он инстинктивно чувствовал: после Падерборна различные нации готовы объединиться под его знаменем.

Во время своих ночных бдений Карл размышлял над природой новообращенных. Они имели одну общую черту: они все были выходцами из паствы Бога. Лангобарды, бритты или саксы – все они были христиане. Возможно, со временем ему предстоит сделаться вождем одной единой нации христиан. Эту мысль Карл пока что держал при себе.

Но в его мозгу одновременно зарождалось нечто конкретное. Сначала Карл претендовал на то, чтобы называться «защитником святой церкви». И из тех девяти лет, что он правил, большую часть времени Карл провел, защищая и охраняя церкви на различных пограничных рубежах. Чем больше церквей строилось, тем больше людей искали его помощи. А значит, перед ним открывались новые границы.

Почему именно перед ним? В Европе только два других монарха обладали подобной властью. Один из них, Тассилон, помышлял лишь о том, чтобы расширить свои баварские владения; другой, Абдаррахман, эмир Кордовы, был мусульманином, а следовательно, язычником.

Карл один мог претендовать на титул «владыки христианского мира».

Когда на рассвете он очнулся от своих размышлений, чтобы пойти в церковь и помолиться, эта мысль продолжала его преследовать. Он действительно мог возглавить армию христиан. И тогда, без всяких оговорок, он мог бы править ими на законном основании.

Эта мысль очень хорошо сочеталась с его желанием покорить их всех.

Глава 4

РОНСЕВАЛЬ

Во время зимней спячки между Рождеством и Пасхой совет франков намечал кампанию на ближайшее лето. В эти годы старейшины, графы Бернард и Твери, вместе с престарелым Фулрадом редко участвовали в вынесении окончательного решения. Они эту заботу предоставили Карлу. И дело было не столько в том, что король старался настоять на своем, а в том, что никто не мог противостоять его напору.

В ту зиму на Рейне он поговаривал о вторжении в Испанию. Возможно, его советникам и паладинам это показалось удивительным, но они не могли не признать, что его доводы очень весомы.

Давненько, заметил Карл, войско франков не наведывалось в Аквитанию, где оно никогда не испытывало недостатка в пище. Можно было забыть про угрозу со стороны саксов из-за Рейна, но по-прежнему грозила опасность со стороны сарацин из-за Пиренеев. 10 лет на этой границе царили мир и порядок только из-за того, что в стране бушевала гражданская война между Омейядами и Аббасидами¹⁴, в которой Омейяды одержали верх. На волне этой победы выдвинулся сильный вождь Абдаррахман, эмир Кордовы. Рано или поздно этот воитель непременно бы ополчился против христиан, как это случилось во времена Карла Молота. И разумнее было бы выступить против него первым на поле боя.

В Пиренеях христиане искали укрытия от сарацин. Этих васконов – гасконцев и басков – и гордых беглецов-вестготов в Астурии могли бы освободить франки, а те, в свою очередь, присоединились бы к Карлу и помогли ему выстроить новую сильную границу на юге вдоль реки Эбро.

Так Карл боролся с собственными убеждениями. Он не стал никому объяснять, что таким образом он собирался сделать первый шаг в своей новой миссии – битве истинно христианской армии с язычниками-мусульманами в Испании.

Большинство паладинов из совета согласились с королем. У графа Тьери в южных землях имелся сын Гильом, достаточно взрослый, чтобы добыть себе славу на брачном поле; сенешаль Эггихард рассчитывал нажиться в Испании больше, чем в Саксонии; граф Роланд (Хруотланд), префект Бретонской марки¹⁵, стремился овладеть страной язычников.

¹⁴ Аббасиды, Омейяды – правящие династии в Арабском халифате, исконные враги.

¹⁵ Марка – пограничная область в государстве франков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.